Джейн Доу. Без сожалений

Автор:
Виктория Стоун

Джейн Доу. Без сожалений

Виктория Хелен Стоун

Джейн Доу #1Чикаго. Women and crime

Джейн ведет обычную жизнь рядовой сотрудницы страховой компании: в меру общительная, в меру привлекательная в своем цветастом платье, высокоэффективная на низкооплачиваемой должности. Она как раз такая, как нравится менеджеру среднего звена Стивену Хепсуорту – безропотная, уязвимая, мечтающая о крепком мужском плече. Но окружающие не подозревают, кто она на самом деле, – и меньше всего сам Стивен.

Простушка Джейн кое-что скрывает. Хепсуорт разбудил худшее в ней, и теперь ее ничто не остановит. Она проникнет в сердце Стивена, позволит ему соблазнить себя, заставит впустить в его жизнь и семью, поделиться грязными секретами. Джейн выведает все, что важно для него, – чтобы отнять это…

Как он поступил с ней.

Виктория Хелен Стоун

Джейн Доу. Без сожалений

Victoria Helen Stone

JANE DOE

© Павлычева М.Л., перевод на русский язык, 2019

© Оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Эта книга для Дж. и всех остальных, кто в ней нуждается

Глава 1

Я вижу момент, когда он замечает меня. Его быстрый и пристальный взгляд, когда он обнаруживает в офисе новенькую. А я не обращаю на него внимания. Намеренно.

Он из тех, кому нравится считать, будто у него все под контролем. Боится сильных и решительных женщин. Как можно контролировать такую вот смелую девушку? Поэтому я уткнулась в работу и просто поглядываю на него из-под полуопущенных век.

Моя работа не требует глубокой концентрации. В резюме, которое я представила в эту контору, нет фактов моей настоящей биографии, ведь диплом по юриспруденции и шесть лет опыта – это слишком хорошая квалификация для этого места. И все же ввод данных успокаивает. Он дает то удовлетворение, которого не дает юридическая практика. Я снова погружаюсь в мерный ритм и полностью игнорирую его.

Он не начальник. Стивен Хепсуорт – классический менеджер среднего звена. Он выказывает уважение «шишкам». Хорошо выполняет свои обязанности. Имеет степень MBA[1 - Master of Business Administration (англ.) – магистр бизнес-управления.] и приятную классическую внешность европейца, так что он сделает отличную карьеру. Блестящая партия.

Я разглядела его, такого обаятельного и непринужденного, еще вчера, во время своей ознакомительной экскурсии по офису. У него на волосах слишком много геля, зато он много улыбается, и его улыбки, кажется, искренние. Карие глаза отвлекают внимание от немного безвольного подбородка, и их теплый блеск притягивает. Людям он нравится. Женщины в офисе тут же начинают кокетничать, когда он к ним обращается. Он отличный парень.

Кто-то приносит мне стопку документов для внесения данных в базу, и я на оставшуюся часть дня выбрасываю Стивена Хепсуорта из головы.

Я буду кокетничать с ним, как и другие женщины. Но не сейчас, потом.

Глава 2

На третий день он сам в обеденный перерыв находит меня в комнате отдыха. Вполне возможно, что он зашел сюда случайно, но большинство менеджеров пользуются комнатой отдыха наверху – во всяком случае, мне так рассказывали. С другой стороны, Стивену, вероятно, приятно почувствовать себя начальником, и поэтому он решил пообедать с нами, батраками.

– Привет! – оживленно говорит он. – Я Стивен.

– А я Джейн, – с улыбкой отвечаю я, протягивая руку.

Он бережно пожимает ее, едва касаясь моих пальцев. Презираю мужчин, которые при рукопожатии осторожничают, словно они такие силачи, что боятся раздавить женскую руку, – а вот Стивену я лучезарно улыбаюсь.

– Ты у нас новенькая?

– И то верно! – Подумываю о том, чтобы выдернуть руку, но тут Стивен выпускает ее, и я, вместо того чтобы дать ей безвольно упасть на стол, скрещиваю руки на груди. Его взгляд на мгновение останавливается на ложбинке. Я его интересую, но он скрывает свой интерес.

Мое платье из мягкой цветастой ткани, как и остальная одежда, что я недавно купила. Может, оно и скромненькое, но я расстегнула одну из многочисленных пуговок. Он из тех, кто предпочитает грудку, наш Стивен. Моя грудь небольшая, но она все же есть, и я подтянула ее так, чтобы она выглядела, скорее, на размер «С», чем на «В». Результат Стивену нравится. Если когда-нибудь увидит меня раздетой, он разочаруется, но мне это будет только на руку.

– И что же тебя привело в нашу маленькую компанию? – спрашивает Стивен.

– Ой, ну как тебе сказать… Обычная старая история. Несколько недель назад я вернулась в город и узнала, что вы, как всегда, ищете человека для ввода данных. И вот я здесь.

– Только что закончила колледж?

Мне тридцать, поэтому я смеюсь в ответ на его лесть.

– Скорее, только что оправилась от тяжелого расставания.

– Знаю, каково это, – говорит он, присаживаясь на кухонный стол. Глаза блестят неподдельным интересом. Девушка после тяжелого расставания всегда уязвима. Он прикидывает, удастся ли ему затащить меня в постель. – Ну, добро пожаловать в Миннеаполис.

Да, давно меня здесь не было. Ужасно давно. Надо было возвращаться еще год назад… Даже два.

Позади Стивена звякает микроволновка. Готов мой скудный обед. Стивен отодвигается в сторону, и я даю ему возможность разглядеть фирменное название дешевой низкокалорийной еды, прежде чем беру оставленную на столе упаковку и бросаю ее в мусорное ведро. У меня туго с финансами, и я пытаюсь сбросить лишние десять фунтов. Вот что он видит.

На самом же деле я наверняка богаче его, и мое тело в отличной форме. Оно работает, вполне здорово, а для секса идеальное тело необязательно. Любовь меня не интересует, так что я не трачу время на переживания о том, что обо мне думают мои партнеры. А отсутствие стыдливости лишь облегчает дело.

Однако такая уверенность привела бы Стивена в ужас, поэтому я смущенно улыбаюсь и достаю из микроволновки свой бефстроганов с низким содержанием жира.

– Выглядит неплохо, – лжет он, как будто я сама не вижу слипшиеся и недоваренные макароны, политые соусом цвета дерьма.

– С тобой поделиться?

Он излишне оживленно смеется на это.

– Меня внизу ждет сэндвич с фрикадельками. – Чисто мужская еда. Два в одном: мясо и шарики. – Но все равно спасибо! – добавляет он. – Тебе что-нибудь принести? Кофе?

– Нет, спасибо. Я захватила из дома чай. – На самом деле я ненавижу чай, но ради Стивена выпью его, слабый и чуть теплый.

– Ну, было приятно познакомиться, Джейн. Увидимся?

– Гарантирую. – Он смеется, а я улыбаюсь, гордая его реакцией. Он подмигивает мне, словно вознаграждая.

После его ухода я ем бефстроганов и открываю книжку в мягкой обложке, которую достала из сумки еще в самом начале обеда. Чтение – мое любимое занятие. Тут мне притворяться не надо.

Глава 3

Дело не в том, что я не умею чувствовать. Нет, кое-какие эмоции у меня есть. Точно есть. Просто я могу выбирать, какие из них проявлять. Что более важно, я выбираю, когда их не проявлять.

Думаю, я не родилась такой. Подозреваю, я все очень глубоко чувствовала – до тех пор пока мой мозг не перегрузился, чтобы защитить меня.

Мои родители все еще живы, все еще вместе, и, я думаю, они любят меня. Но они любят меня так же, как беззаботный ребенок любит домашнее животное. Сегодня он уделяет ему слишком много внимания, а завтра пренебрегает. В юности мне было трудно пережить такие перепады, и мой мозг научился плыть над ними. Сейчас я над этим не задумываюсь. Это для меня естественно. Я наблюдаю за эмоциями людей, но сама редко их проявляю.

Время от времени общаюсь с родителями, но инициирую это общение только на Рождество. Если б я оказалась в Оклахоме, то навестила бы их – но скажите, кто может случайно оказаться в Оклахоме? На их дни рождения я высылаю им деньги. Они всегда в них нуждаются.

Я не ненавижу их, просто не понимаю, почему люди упорно стремятся снова и снова испытывать себя на прочность, проживая с вредными родственниками. Я знаю, что собой представляют мои родители. Они не самые плохие, однако все равно ужасны, и мне не нужно, чтобы сотворенный ими хаос неожиданно врывался в мою жизнь. Когда я была ребенком, они пользовались любой возможностью причинить мне боль, а сейчас они этого не смогут, даже если захотят. Вот и все.

Когда звоню им на Рождество, я выслушиваю россказни о злоключениях и неудачах, а потом выдаю им парочку историй о жизни и работе в Малайзии. Они рассказывают мне, чем занимается мой брат Рикки. Я с ним не общаюсь. Мне нечего сказать тупому козлу, которому в короткие промежутки между отсидками каким-то образом удалось произвести на свет пятерых детей от четырех женщин.

Вот такая у меня семейка.

Что до друзей… Ну, Мег была моей ближайшей подругой с первого дня нашего знакомства. Она умерла.

Глава 4

Еще месяц назад я работала американским юристом по экспортно-импортным сделкам в крупном азиатском производственном холдинге. Жила в Куала-Лумпуре в роскошной квартире, расположенной в современной высотке и оснащенной по высшим западным стандартам. Мне всегда казалось забавным, что американские иностранные специалисты редко что-либо себе готовят, зато жаждут иметь лучшую и самую мощную кухонную технику. К этим специалистам я причисляю и себя. Я обожала свою сияющую плиту на шесть конфорок.

Из моих окон открывался вид на весь город, который днем был застлан коричневатой дымкой, а по ночам сверкал, словно какая-нибудь вселенная. Я ходила на вечеринки. Вечеринок было много. Я покупала дизайнерскую одежду и обувь. Я не помешана на красивых вещах, но они мне нравятся.

Сейчас я живу в жалкой однокомнатной квартирке, в трех кварталах от своей новой работы. Я сняла ее, потому что она находится недалеко от офиса, а еще потому, что за арендную плату я получаю вполне достойную систему безопасности. А арендная плата низкая. Эта квартирка была бы мне по средствам, даже если б я жила на те жалкие крохи, что получаю сейчас. Мебель тоже арендованная, причем задешево.

Мой малазийский работодатель думает, будто я забочусь об умирающем родственнике. У меня остается менее пятидесяти дней для этого маленького приключения. Если я задержусь дольше, то потеряю свою работу. А моя работа мне нравится. Мне вообще нравится моя жизнь. Нравится моя высотка в Куала-Лумпуре. Мне хочется вернуться туда – но только после того, как я все закончу.

Мне нравится и Миннеаполис, однако я уеду отсюда без сожаления. Здесь слишком много воспоминаний о Мег. А может, стоило бы остаться здесь, чтобы вспоминать ее и делать вид, будто я могу в любой момент встретить ее на улице? Я не знаю, как работает скорбь. Не представляю, чего следует ожидать и чего следует хотеть.

Как бы то ни было, такие, как я, не переживают из-за будущего. Если я потеряю работу, то смогу продать свою квартиру в Малайзии и переехать в Нью-Йорк. Манхэттен мне всегда нравился. Вместо того чтобы зависеть от эманаций Мег, которые поддерживают во мне жизнь, возможно, было бы правильно довериться бешеному пульсу этого города, где на каждой улице, в каждом доме и на

каждом этаже разыгрываются мелодрамы. Мне было бы полезно окружить себя такого рода эмоциями.

Куала-Лумпур именно такой, но я плохо говорю по-малайски, чтобы с головой погрузиться в него. Миннеаполис хорош летом, зимой же здесь слишком пусто. А у меня и так чересчур льда внутри, чтобы еще и жить во мраке и холоде.

Сегодня Стивен в комнате отдыха не появляется, и я опасаюсь, что мне так и не удалось разжечь его интерес к себе. Когда он подходит к старшему, который сидит за столом через два ряда от меня, я снимаю кардиган и принимаюсь с рассеянным видом теребить пуговку на платье. То расстегиваю, то застегиваю. Застегиваю, расстегиваю. Мои пальцы замирают, прижимаясь к обнаженной коже. Потом медленно скользят вниз. Когда я поднимаю взгляд, Стивен наблюдает за мной. Я сглатываю, улыбаюсь и стыдливо опускаю глаза.

Несколько мгновений спустя кошусь на него из-под ресниц. Он подмигивает. Я позволяю ему увидеть, как я хихикаю.

В общем, спектакль сыгран достойно. Надеюсь, все получится.

Я работаю до пяти тридцати, потом иду домой, в свою жалкую квартирку. За стеной живет разведенный отец, который три раза в неделю берет к себе детей. Иногда мне нравится слышать детские вопли и смех, но сегодня они слишком взбудоражены перспективой ехать в магазин и выбирать костюмы для Хэллоуина, и я ненавижу их за их радость и за свои воспоминания.

На первый университетский Хэллоуин Мег заставила меня нарядиться. И я согласилась – впервые с тех пор, когда мне было десять. Она нарядилась очень сексуальной медсестрой. Я была сексуальной учительницей. Да и все костюмы в колледже были, естественно, сексуальными. Это здорово действовало. В ту ночь я от души потрахалась, а Мег познакомилась с парнем, с которым потом стала встречаться. Кевин, кажется, его звали. Для студента колледжа он был очень хорош, и мне он нравился. Только все это продлилось три месяца.

Мег всегда влюблялась быстро и по уши, и я отходила в сторону, чтобы ей не мешать. Такова была моя роль в ее личной жизни: быть рядом и ждать, когда все рухнет. А потом, когда слезы будут застилать ей глаза, помочь подруге преодолеть все это и двигаться дальше.

Ее роль в моей жизни состояла в том, чтобы побуждать меня давать каждому парню шанс. «Он красивый! Ты ему нравишься! Он такой прикольный!» Большая часть моих университетских свиданий была рассчитана на то, чтобы ублажить ее. Хотя бы на короткое время применить ее методы. Мне нравилась физическая близость, секс, но я никогда не добиралась до той стадии, когда человек открывается другому человеку.

С какой стати? Люди причиняют боль. Даже хорошие люди причиняют боль тем, кого они любят. Мы все так делаем, потому что не можем иначе. В большинстве своем мы не злые; мы просто глупые и небезупречные и забываем об осторожности в общении с другими. Мег считала, что боль стоит того добра, которое она приносит с собой. Многие тоже так считают. И это помогает им жить.

А что помогает жить мне? Не знаю. Маленькие удовольствия, наверное. Кофе. Шоколад. Соперничество. Шелковые платья. Горячая ванна в холодный день. Победа. Удовлетворение от возможности кроить свою жизнь так, как я хочу.

О, а в настоящий момент – ненависть к маленьким детям, чья приглушенная болтовня доносится из-за стены. Я закрываю глаза и представляю, что они – дети Мег, а не совершенно чужого человека.

Она хотела детей. Она хотела иметь мужа и заборчик из белого штакетника, и качели в саду, а я хотела всего этого для нее. Из нее получилась бы потрясающая мать, переполненная любовью и заботой. Она украшала бы дом к праздникам. Она пекла бы пироги и не переживала бы из-за того, что дети перепачкались в декоративной обсыпке и глазури.

И она никогда не исчезла бы на целых три дня, чтобы потусить с друзьями в индейском казино[2 - В индейских резервациях в США казино подвергаются льготному налогообложению, поэтому чрезвычайно распространены там.]. Она никогда не оставила бы свою дочь дома одну с острым фарингитом и галлюцинациями с экзотическими животными из-за высоченной температуры. Она никогда не сдала бы соседнюю комнату совершенно чужому человеку.

Я представляю, как Мег любила бы детей, которых у нее не было, и меня охватывает горько-сладкое томление. Оно настолько сильно завладевает моей душой, что я даже задаюсь на мгновение вопросом, а дано ли мне любить такой

же любовью? Может, когда у меня родится ребенок, я смогу любить его так же, как любила Мег?

Но нет. В детстве Мег было так много материнской любви, что она смогла воспринять мою холодную логику как успокаивающий бальзам. Однако дети не могут процветать в спокойствии и отстраненности. Им нужна еще и любовь. Объятия и смех, и душевное тепло. Если все это когда-то у меня и было, то сейчас его уже нет. Я пуста.

Хотя нет. Я исполнена горя. Когда соседские дети проходят мимо моей двери, я прячу лицо в ладонях и зажмуриваюсь, не желая демонстрировать свою уязвимость голым стенам.

Я нуждаюсь в Мег, но она больше не вернется.

Глава 5

В понедельник Стивен снова находит меня в комнате отдыха. Подойти к моему рабочему месту и поболтать со мной он не может. Я сижу в центре просторного зала с множеством столов и кабинок, а работать с медицинскими страховками ужасно скучно. Если он остановится возле меня, о его интересе ко мне узнает весь зал.

Мне это только на руку. Он вынужден тщательно подбирать время для своих подкатов. Заранее все планировать. Из-за этого я становлюсь для него более желанной, чем на самом деле.

Я делаю вид, будто не замечаю, что он стоит в дверях. Если честно, я глубоко погружена в чтение, и у меня нет желания выныривать в реальную жизнь. Или в нереальную жизнь. Куда угодно. Однако он откашливается, и я вынуждена поднять голову и улыбнуться.

– Ой, привет!

– Привет, Джейн. Я тут подумал, а не съесть ли нам по сэндвичу… Как я понимаю, ты еще не знакома с окрестностями, а мое любимое заведение всего в квартале отсюда. «У Гордо». Была там?

– Ох, сожалею. – Я указываю на работающую микроволновку. – Я уже готовлю свой обед.

Стивен смотрит на коробку на столе. Спагетти с нежирным мясным соусом.

– Зря потраченные деньги, – говорит он. – Выброс это в мусор, я куплю тебе кое-что получше.

Я смеюсь и качаю головой.

– Не могу. Но все равно спасибо.

– Тогда, может, завтра?

Опустив глаза, я изображаю смущение, но при этом прикидываю, в чем он больше заинтересован – в «да» или в «нет». Вероятно, стоило бы позволить ему продолжить охоту, однако мне уже наскучил подготовительный этап. К тому же я не хочу в самом начале игры ранить его эго. Я принимаю решение рискнуть с «да» – правда, произношу его с явным колебанием.

– Наверное, это не очень хорошая идея…

Стивен улыбается, потому что знает: я сдаюсь, хотя внутренний голос призывает меня к обратному.

– Не-а, это великолепная идея.

– Думаешь?

– Абсолютно точно. Так что, завтра?

– Ладно. Договорились. Завтра.

Он выпрямляется, выпячивая грудь, потом наклоняет голову и кивком указывает на мою книгу.

– Что читаешь? – Я поднимаю книгу, показывая ему имя известного автора триллеров. Стивен морщится. – Это беллетристика?

– Да, люблю ее.

– А я читаю только нон-фикшн.

Он хочет пристыдить меня, но истина в том, что люди типа Стивена не хотят погружаться в чей-то мир. Потому что тогда автор получает над ними слишком большую власть. Вот и Стивен чувствует себя песчинкой.

Я игнорирую все это и притворяюсь, будто не заметила завуалированный выпад в его неодобрительной гримасе.

– И что же именно?

– В основном по истории Штатов. О Гражданской войне.

– О, круто. Я видела документальный сериал Кена Бернса[3 - Имеется в виду вышедшая на ТВ в 1990 г. 9-серийная документальная лента, которая так и называется – «Гражданская война».].

– Фильм хороший, но там все показано по верхам.

Ни мои книги, ни мои зрительские привычки его не устраивают. Я вынуждена сдержать ухмылку. Если б дело происходило в каком-нибудь баре, я уже давно послала бы его куда подальше. Но сейчас, как предполагается, я должна поверить в то, что он лучше меня. Более разборчивый. Вероятно, мне следовало бы извиниться за свои низменные предпочтения, но к черту его. Сегодня у меня терпения мало.

Микроволновка звякает. Я встаю, открываю дверцу, ставлю на стол контейнер и склоняюсь над ним. В вырезе розовато-коричневого платья виднеется белое кружево бюстгальтера. Я снимаю пластмассовую крышку и хмурюсь с таким

видом, будто спагетти еще не готовы. Когда поднимаю голову, вижу, что его взгляд устремлен на мою ложбинку.

– Мне пора, – говорит он. – Встретимся завтра у лифта в двенадцать?

– Отлично!

После его ухода я испытываю облегчение. Отчасти потому, что могу вернуться к чтению, но главным образом потому, что понимаю: он заглотнул наживку. Цель достигнута.

Меня часто приглашали на свидания, у меня никогда не было с этим особых проблем, но я не красавица, а люди непредсказуемы в плане внешности. Возможно, в списке волнующих черт у него первым номером стоит нос пуговкой. Возможно, у него встает только на загорелых блондинок. На расстоянии такие особенности личности определить трудно.

Зато я знаю, на какую эмоциональную кнопку нужно нажимать. Я знаю, что ему нравится в женщинах. А манипулирование людьми – это моя специальность. И все же, если он не клюнул на приманку, у меня есть запасной план. Правда, пока в нем нет нужды. Очевидно, я вполне устраиваю Стивена, несмотря на низкий уровень выбираемых мною развлечений.

Весело хмыкнув, я приношу свой обед на стол и устраиваюсь с книгой. Мне нравится погружаться в чьи-то миры. Мне нравится наблюдать, как у других складывается жизнь, даже если я этих людей не понимаю.

Если честно, вымышленные люди привлекают меня гораздо больше, чем реальные. В художественном вымысле выбор всегда разумен. Последовательность событий рациональна. Эмоции понятны. Герои чувствуют именно то, что и должны чувствовать в ответ на действия других. Никто не попадает в неприятные ситуации из-за своей инертности или низкой самооценки. Такой сюжет был бы пригоден для дрянной повестушки. Но в реальной жизни… Господи, в реальной жизни люди редко поступают так, чтобы изменить обстоятельства к лучшему.

Почему?

Почему, почему, почему? Это один из тех аспектов, что недоступны моему пониманию. Я знаю точно: книги лучше.

Закрываю книжку – и тут, к моему удивлению, жужжит мой телефон. Мне никто не звонит. Никто, кроме… ну да, это моя мать, звонок переадресован с моего реального телефонного номера. Я игнорирую ее и позволяю включиться голосовой почте. Она знает, что делать. У меня нет желания отвечать на звонок и доводить ее до сердечного приступа или чего-нибудь в этом роде. Она и так вела не очень здоровый образ жизни.

Выбрасываю остатки обеда, заливаю воду в свою бутылку и жду сигнала о сообщении. Мне необязательно слушать ее голосовое сообщение, но я все же слушаю. Вернувшись к своему рабочему месту, выписываю чек на восемьсот долларов, потом из кладовки, где хранится запас писчей бумаги и прочие канцтовары, краду один конверт и выпрашиваю у секретаря в приемной марку. Пять минут спустя мать и ее сломанная машина уже выброшены из головы.

Десять лет назад я перезвонила бы ей, стала бы горячо заверять ее в том, что дам ей денег на ремонт, и уговаривать не брать взаймы у братца, но сейчас мне плевать. Потраченная сумма стоит того, чтобы не иметь дела ни с кем из них.

Может, я и люблю их – правда, по-своему. Ведь я не обязана отправлять деньги, однако все равно отправляю. А может, меня грызет совесть за то, что я не испытываю к ним вообще ничего и деньги – это просто для самоуспокоения? Не знаю. Я решаю не тратить время на подобные размышления. Мне надо забивать данные в базу.

Глава 6

– Значит, ты выросла здесь? – спрашивает меня Стивен.

Он ест сэндвич с рубленым мясом. Для него допустим либо такой, либо с фрикадельками. Ни тунца, ни брюссельскую капусту этот парень не употребляет.

Прожевываю свой салат.

– Я пару лет училась здесь в старших классах. Мы часто переезжали.

– Семья военного?

– Нет, нас всего двое, я и мама.

– Похоже, вам тяжело пришлось.

– Ох, не знаю… Все шло нормально, пока нас было двое. Но у нее периодически то начинались, то заканчивались отношения. Вот тогда было туго. Большинство этих мужиков были подонками.

– Печально слышать, сочувствую, – говорит Стивен. Возможно, он и в самом деле сочувствует.

– А у тебя? – спрашиваю я. – У тебя семья в Миннеаполисе?

– Естественно. Здесь живет мой отец со своей женой, а мама в Рочестере. Моя сестра переехала в Милуоки, а младший брат пока здесь. Мы нередко собираемся вместе.

– Здорово. А у меня больше родственников нет.

– А твой отец?

– О, нет. – Я мотаю головой и опускаю взгляд в салат. – Я не знаю его.

– Наверное, тебе тяжело.

– Не знаю. Я слышала, что он был мерзким типом. А какой твой отец?

– Мой отец – лучший. Он действительно отличный дядька. Вообще-то он священник. У него своя церковь.

Салат вызывает у меня изжогу. Или она от Стивена? Но я все равно выпрямляюсь и заставляю свое лицо просиять.

– Ты христианин?

– Конечно. А ты?

– Я тоже, но немного отдалилась от всего этого. Мой бывший был неверующим. Я уже много лет не бывала в церкви.

– Тебе обязательно нужно вернуться!

– Может, и нужно. В последнее время я чувствую себя немного потерянной. В том смысле… ну, ты понимаешь? Думаю, ты прав. Вот… я только подумала об этом, и мне сразу стало лучше. Ты знаешь хорошую церковь здесь поблизости?

– Нет, наша на окраине. Хотя там здорово. Ты должна обязательно зайти.

– У меня нет машины. Но я обязательно найду что-нибудь хорошее здесь.

Я множество раз была в церкви. Когда живешь в аграрной Оклахоме, этого не избежать. Мои родители периодически на несколько недель обретали Господа, и мы в течение месяца-двух посещали все службы, но потом утро воскресенья становилось неудобным для похода в церковь. Субботы в трейлерном парке… или в казино, или в баре заканчивались поздно.

Как бы то ни было, я по опыту знаю, что окраинные церкви наиболее скучные и наименее щедрые. Мы постоянно искали щедрость. От того христианства, что проповедовало всего добиваться самому, пользы нам не было. Если после службы не выставляют угощение, какой смысл туда идти? Мама всегда задерживалась якобы для того, чтобы помочь убрать. Эта часть мне нравилась. Оставалось много еды, и она обычно тайком прихватывала парочку мисок.

– Спасибо тебе за обед, – в третий раз говорю я.

– Не за что. Мне больно смотреть, как ты ешь все эти полуфабрикаты из микроволновки.

Это еще один повод заставить меня почувствовать себя полным дерьмом.

Я играю досаду. Морщусь и слишком долго прожевываю кусок, прежде чем ответить.

– Стивен, я… я на этой работе всего ничего. Есть ли какие-нибудь правила насчет свиданий с подчиненными?

Он небрежно отмахивается.

– Они не узнают.

– Но нас могут увидеть.

– Тогда приходи ко мне, я что-нибудь приготовлю.

– Я не могу прийти к тебе! В первое же свидание? Я не… Я не такая!

– Черт. – Он тянется к моей руке, чтобы остановить взмах. – Прости. Конечно, ты не такая. Я ничего не имел в виду. Совсем. Лады?

Я киваю, но все же показываю ему, как сильно меня потрясла сама идея. У женщины не должно быть собственных сексуальных потребностей. Моя роль – сопротивление. Я строю из себя хорошую девочку.

– Джейн, я серьезно. Я думал совсем о другом. Я просто пытался защитить тебя от любопытных глаз.

– Знаю.

– А что если я поведу тебя в какой-нибудь маленький бар? Туда, где нас никто не увидит… Тогда ты согласишься поужинать со мной? – Он слегка наклоняет голову, стараясь поймать мой взгляд. Затем изгибает брови, как щенок-попрошайка. – Ну пожалуйста.

Я хихикаю.

– Мне нельзя так быстро соглашаться на новое свидание.

– Тогда мы не станем называть это свиданием. Просто коллеги решили вместе поужинать.

– Ты начальник, а я простая служащая. Едва ли нас можно назвать коллегами.

– Тогда я буду твоим наставником.

Рассмеявшись, я качаю головой.

– Ты – просто ужас.

– Формально ты мне неподотчетна. Так что никакого конфликта интересов.

Забавно, конечно. Ведь он мог бы меня уволить. Я продолжаю жеманно упираться.

– А вообще, зачем тебе встречаться со мной? Ты же почти не знаешь меня.

– Ладно тебе. Ты же потрясающе красива.

Я некрасивая. Я ранимая и ношу кружевные бюстгальтеры. Но все равно. Даже социопату нравится, когда его считают красивым.

– Ничего подобного, – тихо возражаю я, однако при этом улыбаюсь.

– Как насчет завтра? – не унимается он.

– Хорошо. Но только если ты пообещаешь, что будешь давать мне наставления.

Стивен усмехается и становится похожим на зубастого кота.

– Я буду учить тебя всему, что тебе нужно знать.

Ха. Не всему, что знает он, а всему, что нужно знать мне. Мило.

После обеда он провожает меня до здания и вместе со мной поднимается на лифте, так что у меня нет возможности сбегать в газетный ларек и купить протеиновый батончик. Надеюсь, сегодня кто-нибудь на нашем этаже будет праздновать день рождения, иначе я умру от голода.

Глава 7

Кусок праздничного торта так никто и не приносит. К концу рабочего дня меня мучает такой дикий голод, что я спешу домой и там переодеваюсь в более удобную одежду. Обтягивающие джинсы, ботильоны, черный свитер. Смываю яркие тени для глаз и заменяю их скромной черной подводкой, затем собираю волосы в тугой пучок. Я высветлила свои волосы, и такой стиль меня ужасно раздражает. Выгляжу уж больно мягкотелой. Мне нравится, когда волосы темные и прямые, без мелирования.

Я хочу есть, а еще выпить. Но больше, чем о еде и об алкоголе, я мечтаю избавиться от скуки, поэтому иду через несколько кварталов к центру, направляясь к высококлассному бизнес-отелю. Сажусь в баре и заказываю стейк с картошкой и джин с тоником. И то, и другое идеально.

За барной стойкой вместе со мной сидят несколько бизнесменов, все по отдельности, разделены как минимум одним пустым стулом. Часть из них наблюдает за мной в зеркало за стойкой. Я смотрю новости по телевизору над головой бармена.

Расслабленный моей новой легкой работой, мой мозг начинает стремиться к деятельности. В ползущей строке всякие истории из делового мира, и эти новости для меня внове. В Куала-Лумпуре со мной такого не случалось. Я узнавала все новости международной торговли до того, как о них сообщали деловые каналы.

Допиваю свой первый коктейль, но, прежде чем ставлю стакан на стойку, ко мне подходит мужчина в костюме.

– Заказать вам еще один? – спрашивает он.

Я поворачиваюсь и смотрю ему прямо в лицо. Ему здорово за пятьдесят, нос и щеки уже покраснели от выпитого. Костюм дорогой, непривлекательным его не назовешь, но я представляю, как его лицо становится пунцовым, когда он ритмично раскачивается надо мной.

Я не изображаю из себя оскорбленную невинность и не показываю, будто польщена его вниманием. Он подкатил ко мне не потому, что я какая-то особенная. На моем месте могла бы быть любая. Для него я женщина с дыркой, которую он может заполнить. Вдруг у него появится шанс трахнуть меня, так что не грех попробовать. Все просто. Он даже не заморачивается тем, чтобы снять обручальное кольцо.

– Нет. – Поворачиваюсь обратно к телевизору и жестом подзываю бармена.

– Еще один? – спрашивает тот.

Я киваю. Мужчина в костюме отходит.

– Приехали в город в поисках работы? – спрашивает бармен, смешивая мне коктейль.

Это очень мило с его стороны – затеять светскую беседу с женщиной, которую в его баре донимают мужики. Вид у него измученный, словно он долго, без остановки, готовил напитки; однако он молод. Двадцать девять, наверное, хотя под бородой может скрываться и детское лицо.

– Между прочим, я здесь живу.

Его темные брови взлетают на лоб.

– Серьезно? Местные к нам редко заходят.

– Я не хотела идти в какое-нибудь романтическое заведение и сидеть там в одиночестве. – На самом деле я имею в виду другое, и по тому, как он смеется, становится ясно, что мой сухой тон сказал ему о многом.

Бармен наполняет новую мисочку кренделькими и подвигает ее ко мне. Он получит хорошие чаевые, если будет присматривать за мной.

Хотя я не нуждаюсь в защите.

После того как один из мужиков в баре получил отлуп, остальные уже не изучают меня с таким вниманием. Вероятнее всего, они приняли меня за проститутку. Те часто ошиваются в барах вроде этого, а еще чаще – в бизнес-отелях за океаном. У этих женщин такой же деловой вид, как и у их клиентов, только вместо расслабленного галстука – блузки с расстегнутым воротом. Едва ли мужики возражали бы, если б их проститутки были одеты так же, как уличные, однако администрация отелей не может допустить, чтобы все было так очевидно.

Теперь за мужчинами наблюдаю я. Их взгляды переместились на второй телевизор, где то и дело мелькают бело-зеленые цвета футбольного матча. Двое из них, в том числе и тот, который ко мне подкатывал, среднего возраста, и их костюмы сидят чуть свободно и помяты после долгой дороги.

Третий моложе, на нем костюмные брюки обтягивающего покроя, а расстегнутый ворот рубашки кажется ослепительно белым на фоне синего пиджака. Он красив, и большой нос не портит его. Великолепное тело. Но мне он не нравится. Я представляю, как он любуется собой в зеркале во время секса, восхищаясь тем, как напрягается его задница, когда он рывком входит во влагалище.

Я непроизвольно морщусь от этой мысли. Готова спорить, он считает, что его член – это все, что нужно для счастья женщине, и искренне верит в это, сколько бы женщин ни говорили ему обратное. Раньше я верила мужчинам на слово, но после стольких лет никаких сомнений у меня не остается. Они легко просчитываются.

У четвертого, однако… у четвертого есть потенциал, и слава богу. Сегодня мне так скучно и неспокойно, что я могла бы дать шанс и красивой заднице.

Но в этом нет надобности. Четвертый темнокож и по-мальчишески красив. Чуть за тридцать, наверное. Вьющиеся волосы коротко подстрижены. На руке нет ни

обручального кольца, ни огромного «Ролекса». Он одет в простую рубашку с закатанными рукавами, и белая ткань великолепно контрастирует с его коричневой кожей. Он длинными пальцами держит стакан с местным пивом: ему не нужны дорогие марки. Мужчина, не стремящийся покрасоваться. По моим оценкам, это говорит о том, что он хорош в постели. Гм, удачный день.

Его взгляд отрывается от экрана и скользит по зеркалу, пока я не ловлю его. Правый уголок его рта слегка приподнимается вверх, и я усмехаюсь тому, что меня поймали на «месте преступления». Так как я не отвожу глаз, его губы растягиваются в улыбку. Я салютую ему стаканом. Он отвечает мне тем же.

Я не стесняюсь подкатывать к мужчинам, когда того требует ситуация, но сейчас в этом нет надобности. Худший сценарий будет, если мы не поладим и он свалит после нескольких минут разговора. Но я позабочусь о том, чтобы мы поладили.

Чтобы дать ему поле для маневра, проверяю свою почту. У моей новой личности нет электронного адреса, потому что этой Джейн он не нужен. Кто будет писать «чистому листу»? На телефон приходит почта из настоящей реальной жизни. Деловые новости, приглашения от «ЛинкдИн», спам на малайском, очень соблазнительные предложения познакомиться с горячими азиатками. Плюс одно действительно личное сообщение от отправителя, чье имя заставляет меня охнуть.

Черил Питерсон. Это мать Мег.

Она несчастная женщина, и я всегда сожалела о тех решениях, что она принимала во времена детства Мег, но даже я не могу отрицать, что Черил любила свою дочь. Она любила свою дочь почти с той же истовостью, с какой хотела иметь мужчину в своей жизни. Почти. Очень типичная история.

После смерти Мег у меня нет поводов снова вступать в контакт с Черил; у нас с ней нет ничего общего: ни реального, ни логического. Она заурядная парикмахерша, которая обожает детей, позволяет мужикам вытирать об нее ноги и никак не может, кажется, взять в толк, почему у нее все не клеится.

Но ведь эмоции нелогичны, не так ли? Эмоции липки, как вар, и их трудно оттереть, поэтому я всю свою жизнь стараюсь держаться от них подальше,

чтобы не заляпаться. Однако с Мег я была голенькой, как младенец, и сейчас часть меня прилипает к Черил. Мне это не нравится. Надо освободиться как можно скорее.

Уступая нервному напряжению и меланхолии, я кликаю на сообщение Черил. Оно короткое, предельно ясное и все же сумбурное.

Джейн, от тебя давно не было вестей, и я решила связаться с тобой. В своем последнем письме Мег просила позаботиться о тебе. У тебя все хорошо?

Господи, Мег… Почему же ты была такой доброй? Если б ты так меня не любила, я бы так сильно не скучала по тебе.

«В своем последнем письме…» Я не хочу думать об этом. Мне она тоже прислала письмо. Я достаю его и перечитываю, когда мне нужен удар острой боли, чтобы продраться сквозь унылую пульсацию скорби.

– Привет. – Его голос прерывает мою печаль, и я испытываю небывалое облегчение. Поворачиваюсь к нему с ослепительной улыбкой.

– И тебе привет.

– Следует ли мне выступить с предложением купить тебе еще один коктейль или это вызовет у тебя раздражение?

Собираюсь ответить какой-нибудь шуткой на тему «зачем мне новый коктейль, когда я только начала этот», но взгляд на мой стакан говорит мне о том, что он пуст, а на языке я чувствую привкус джина. Сунув телефон в сумку, с ног до головы оглядываю незнакомца.

Он чуть ниже ростом, чем я думала. Подтянутое тело бегуна. Еще более приятно, чем его красивое тело, то, что он стоит на учтивом расстоянии, ожидая сигнала, который позволит ему приблизиться. Он отлично понимает женщин, чего не дано многим мужчинам. Он знает, что при взрослении нас окружает опасность. Он воспринимает наше уважение как дар. Наверное, у него есть сестры. Он мне нравится.

– Буду рада еще одному, – в конечном счете отвечаю я, кивая на пустой стул рядом.

Он учтивым взмахом руки подзывает бармена, затем садится на стул.

– Я Энтони. – Протягивает руку. Его пожатие быстрое и уверенное.

– Джейн, – представляюсь я. – Ты приехал сюда по работе?

– Да. Запускаем новую кампанию. Работаю в рекламе в Чикаго. А ты?

– Живу поблизости. Просто захотелось выбраться из дома ненадолго.

– Ты экстраверт?

– Что-то вроде того. Мне нравится небольшой шум на заднем фоне, и я могу смотреть только круглосуточные новостные каналы.

– Ясно. Вообще-то я не очень люблю спорт, но почему-то все время оказываюсь в спортбарах.

– Ты часто ездишь в командировки?

– Несколько раз в месяц. Ничего такого.

Я не спрашиваю его о семейном статусе. Он не спрашивает меня. Приносят наши напитки, и мы чокаемся.

– Спасибо, – говорю я.

– На здоровье.

Мы болтаем с час. Вы можете подумать, что разговоры меня раздражают, но это не так. Я наслаждаюсь легкой беседой так же, как интересной книгой. То, как люди живут, любят и думают, остается для меня не поддающейся разгадке

тайной, хотя все эти истории из жизни такие же плоские, как и слова на странице. Я не понимаю идиотских реакций людей. Я не понимаю их нелогичность. А вот легкая беседа – это приятное развлечение.

Обычно мне достаточно упомянуть о Малайзии, и собеседник уже на крючке. Но сейчас я соблюдаю осторожность. Мое пребывание в Миннеаполисе хорошо не закончится. Сколько вопросов будет задано и кто их будет задавать? Я не имею об этом представления, поэтому держу Малайзию при себе.

И все же мне есть о чем рассказать, и я рассказываю. Энтони весел и умен. Он немного смущается, когда предлагает, чтобы мы с напитками перебрались в его номер.

Зря он смущается. Я не смущаюсь. Плачу? по счету и оставляю бармену щедрые чаевые, прежде чем помахать ему на прощание. Красномордый бизнесмен – судя по мутному взгляду, он уже хорошо набрался – мрачно косится на меня, когда я прохожу мимо вместе с Энтони, и я преодолеваю искушение сказать ему, что пора бы повзрослеть. Сколько бы лет ему ни исполнилось, он всегда будет желать женщин моего возраста и возмущаться, что мы его не хотим. Понимает ли он, что это дерьмовое лицемерие? Нет. Я – эгоистичная стерва. Это всегда будет моим недостатком.

Но кому до него дело? Мы с Энтони заходим в лифт. Когда остаемся одни, он не начинает тут же меня лапать, но его взгляд теплеет и медленно скользит вдоль моего тела. Я кончиком пальца провожу по его запястью.

– Мне нравятся твои руки, – говорю я.

– Руки? – Он не ходит в качалку, поэтому удивлен.

– Сильные, но без показной рельефности.

Он улыбается и придвигается поближе.

– Странная ты…

Да неужели?

Он касается губами моих губ, когда дверь лифта отъезжает в сторону. После секундной заминки целует меня еще раз.

– Пошли, – шепчу я и выталкиваю его в коридор.

На мгновение я становлюсь настоящей. Я возбуждена, счастлива, мною владеет сладостное предвкушение, рядом со мной живой человек. Он целует меня, прежде чем открыть дверь в номер, и я стараюсь ни о чем не думать, не строить планы и не анализировать. Мы не неистовствуем, но все равно не теряем времени зря и принимаемся раздевать и исследовать друг друга, одновременно целуясь и обнимаясь.

Сейчас я могла бы быть обычной женщиной, которая решила попытать счастья с привлекательным мужчиной. Это могло бы перерасти в нечто более глубокое. Мы полюбили бы друг друга, поженились бы и воплотили в жизнь извечную мечту людей. Мне нравятся такие мимолетные фантазии в той же степени, что и сам секс, но после того как я кончу, все эти фантазии испарятся вместе с моим потом. Я по опыту это знаю.

Самое забавное, что многие люди становятся социопатами, когда дело касается секса, не так ли? Так что разве я странная? Я, во всяком случае, последовательна.

Моя интуиция оказалась права, Энтони меня не подвел. Он доводит меня до оргазма вначале, а потом еще раз, в конце. Мне нравится его тело, упругое и скользкое от пота. Он сам надел презерватив, мне не пришлось просить его об этом. Если б он не улетал утром, я, возможно, вернулась бы завтрашним вечером. Когда он спрашивает, хочу ли я поддерживать с ним связь, я с неохотой качаю головой. По его словам, он приезжает в город раз или два в год, а я не задержусь здесь так надолго.

– Уверена? – спрашивает Энтони. – Мне показалось, нам было хорошо.

– Нам действительно было хорошо, – заверяю я его, благодарно гладя по руке, потом по груди, потом по животу. Мое заверение настолько эффективно, что он снова готов, и мы снова занимаемся сексом, на этот раз более жестким, и получаем еще больше удовольствия.

Я ухожу от него с улыбкой и продолжаю улыбаться всю дорогу домой. Какой потрясающий вечер… Воспоминания о нем помогут мне выдержать ближайшие несколько дней игры со Стивеном.

Глава 8

Я радуюсь тому, что большую часть дня Стивен меня избегает. Сегодня у нас свидание, и он, по всей видимости, соблюдает осторожность, чтобы ни у кого в офисе не возбудить подозрений. Однако его стремление дистанцироваться от меня мне только на руку. Мое тело все еще пребывает в сытой истоме, и я не могу ему это показывать.

Но скажу честно: Стивен этого не распознал бы и не догадался бы о причине.

Как бы то ни было, вчерашнее приключение оказалось хорошей идеей. Играть покорную мышку значительно проще, когда тебя не сковывает напряжение и не мучает желание прямым текстом высказать Стивену все, что я о нем думаю.

Если бы была хоть малейшая вероятность того, что я буду регулярно находить партнеров калибра Энтони, я ходила бы по барам каждый вечер, но Энтони – это редкая удача. Обычно все такие связи на одну ночь – такое же ненадежное мероприятие, как игра в кости. Я хорошо распознаю выродков, поэтому редко подвергаю себя опасности, но ни одна женщина не защищена от риска нарваться на действительно плохого любовника. Такое впечатление, что мужики намеренно пытаются показать себя ужасными в постели.

А все эти шутки о том, как трудно отыскать клитор?.. Ладно вам. Он всегда на месте, рядом с влагалищем. Зона поисков всего один квадратный дюйм, а у них все равно ничего не получается. Их полная некомпетентность поражает меня.

Конечно, очень многие мужчины даже и пытаться не станут, и после многих лет практики таких все легче и легче узнавать. Я уверена, что Стивен как раз из таких, поэтому всячески оттягиваю момент, когда придется лечь с ним в постель. К счастью, сопротивление отлично вписывается в мою легенду.

Мне хочется провести час своего обеденного перерыва за чтением, но я совершаю глупость и открываю электронную почту. Там меня все еще ждет сообщение от Черил. Можно просто стереть его. Мне плевать на Черил. Но мне не плевать на Мег, а Черил – единственное, что связывает меня с ней. Мы могли бы поддерживать контакт. Периодически пить кофе. Говорить о Мег.

Мег была самым близким моему сердцу человеком. Она ворвалась в мою жизнь, как ураган. Штамп, да? Да, штамп, но суть в том, что ураган разрушителен, а Мег – нет. В общем… она взорвала мой холодный, спокойный мир красивейшим фейерверком.

В колледже на втором курсе Мег оказалась моей соседкой по комнате. Соседку на первом курсе можно не принимать во внимание. У нас не было ничего общего, но и не было ничего, что делало бы нас врагами. Год прошел спокойно. И не остался в памяти.

Но Мег… Мег была вселенной. Мы не могли не подружиться, потому что она дружила со всеми. В первый день знакомства я не захотела идти с ней на танцы, но она решила, что мы пойдем, – и мы пошли. Было ужасно весело.

Веселье было только частью дела. С Мег я могла воображать, будто я нормальная. Она была позитивной, полной любви и надежды, и если я, общаясь с ней, прилагала усилия, у меня получалось делать вид, будто все эти качества есть и у меня. На короткий период, естественно. Через нее мне удавалось заглянуть в другой мир, и для меня это было как чтение книг. Я могла с головой погружаться в ее историю.

Самым важным качеством Мег – тем, что так крепко привязывало меня к ней, – была надежность. Она оказывалась рядом, когда бы я в ней ни нуждалась. Она была первым человеком на всем свете, которому я по-настоящему доверяла. И единственным. А теперь ее нет.

Я никогда ни по кому не тосковала. С какой стати? Без Мег я уже не знаю, кто я. Она была моей связью с будущим. С любовью, детьми и браком.

Однажды Мег вышла бы замуж. Я была бы подружкой невесты. Потом она родила бы детей, и я стала бы доброй тетей Джейн. Мег была моей единственной надеждой на то, что у меня будут любящие дети, пусть даже их

любовь была бы периодической и обрывочной. Своих детей у меня не будет никогда. Какой смысл создавать новых людей, с которыми у меня нет практически никакой связи?

Однако я знала, что через Мег буду любить ее детей. Достаточно, чтобы вместе праздновать Рождество и дни рождения. Чтобы иметь связь с семьей и традициями, пусть и не со своими.

Без Мег мое будущее – ледяная череда практически идентичных дней. Без настоящей семьи. Без семейных праздников. Повод ли это цепляться за Черил? Так ли поступили бы на моем месте другие?

Она пообещала Мег, что позаботится обо мне, и я знаю, что она душевный человек, так что, если я буду поддерживать с ней контакт, у меня появится шанс на теплое и веселое Рождество.

Но чужие люди – это не семья. И на рождественских сборищах Мег не будет. Я никогда не стану частью семьи. Я до конца своей жизни буду чужой, где бы я ни оказалась.

И все же я не стираю сообщение от Черил. И не знаю, что это означает.

К концу обеденного перерыва я отвлекаюсь на свои размышления, но это к лучшему. Хобби – это, конечно, хорошо, однако мне пора возвращаться к своей главной задаче: держать на крючке Стивена.

Если бы была возможность побыстрее разделаться со всем этим, я обязательно за нее ухватилась бы. Легла бы с ним в постель, втерлась бы к нему в доверие. Выяснила бы, чем он живет. Я смогла бы закончить все за несколько дней. Но если я не буду сопротивляться, он решит, что я не достойна его любви, а мне нужно, чтобы он влюбился в меня – по-своему, эгоистично. Мне нужно, чтобы он показал мне свои слабости.

Так что сегодня никакого секса. Может, один поцелуй… Мой кардиган будет застегнут на все пуговицы, пока Стивен не уговорит меня выпить дешевого вина на ужин. Вот тогда я разгорячусь и расстегну его как можно ниже, и Стивен подумает, что причина этому – он сам.

Эти отношения будут утомительными и почти невыносимыми, однако цель оправдывает средства. Возможно, я разрушу его семью. Возможно, подстрою все так, что его уличат в растрате. Возможно, убью его.

Я выясню, что для него в жизни важнее всего, а потом отберу у него это. Чем бы все это ни закончилось, меня устраивает любой исход.

Глава 9

Я в жизни никого не убила. Я социопат, но не такого пошиба. Впрочем, кто знает. Отчаянные времена[4 - Незаконченная расхожая фраза «отчаянные времена требуют отчаянных мер».]…

Глава 10

Стивен обещал уютный ресторанчик – и сдержал слово. Это маленькое итальянское заведение в переулке в центре Миннеаполиса. Скоро я узнаю, что здесь готовят: либо блюда, вкуснее которых я в жизни не ела, либо нечто, что объяснит, почему этот ресторанчик медленно умирает.

Чтобы показать, что я с нетерпением жду свидания, прихожу пораньше. На всех столах стоят заплывшие воском бутылки из-под «Кьянти». Хозяин подводит меня к крохотному столику и выдвигает для меня стул, потом зажигает свечу на нашей бутылке. Я прошу принести стакан воды и сижу с чинным видом.

Перед выходом из дома я написала Черил. Сказала, что мои дела идут хорошо, если не считать того, что я скучаю по Мег. Я не упомянула Миннеаполис. Сейчас Черил живет в Дулуте, и я могла бы запросто доехать до нее, если бы мне захотелось ее навестить. Но мне не хочется. Я спрашиваю, как она держится и могу ли я для нее что-нибудь сделать. Я не говорю ей, что она являет собой ужасный пример матери, который в немалой степени способствовал смерти Мег. Я же не настолько жестока. Она и так живет с тяжелейшим чувством вины. Я тоже.

Мег покончила с собой. Она ощутила такие безысходность и отчаяние, что убила себя. Так что виноваты мы. Все мы, кто мог бы спасти ее, если бы в нужный момент оказался рядом.

Но меня рядом не было, не так ли? За прошедшие два года я возвращалась в Миннеаполис лишь один раз. Если б я приезжала чаще, была бы она все еще жива? Что, если б я навещала ее регулярно? Что, если б я была более чуткой, заботливой, человечной?

Да, было трудно понять проблемы Мег, но я пыталась. Честное слово, пыталась. Однако терпение – не моя добродетель. И сочувствие тоже. Может, я была слабым звеном. Может, мой гнев должен быть направлен не на ее мать, а только на меня. Раньше я не знала, что такое сожаление, а вот сейчас испытала его в полной мере. Тоска по Мег до конца моих дней – вот моя епитимья.

Нам обеим было по тридцать, когда она убила себя, и теперь ей вечно будет тридцать. А я буду стариться без нее.

Заняла бы я ее место, если б могла? Гм, черт… Я не склонна к самопожертвованию, но, думаю, заняла бы. Как-никак мне не на что надеяться. Не настанет день, когда я расцвету счастливой, цельной личностью. У Мег же было на что надеяться.

А может, надежды вообще не было? Возможно, ей было суждено выйти за какого-нибудь козла, травмировать детей одним разводом за другим и менять одного мужика за другим. Моя жизнь будет не такой деструктивной.

И все же мне хочется вернуть ее.

Меланхолия накрывает меня, как паутина, принесенная ветром, и если Стивен не появится тут в ближайшее время, я сменю образ и закажу графин столового вина. Если потороплюсь, то, вероятно, смогу выпить его до его прихода.

Не повезло. Я слышу позади себя его громкое, излишне дружелюбное приветствие, обращенное к хозяину. Хозяин отвечает так же громко. Всем нравится Стивен! Могла бы получиться веселая комедия положений.

Встаю и неуклюже поворачиваюсь, как будто нервничаю. Вероятно, переигрываю, но инстинкт подсказывает, что я должна вести себя в совершенно противоположной манере по сравнению с тем, как я обычно держу себя с мужчинами. И пока это работает.

– Джейн!

Он быстро подходит и заключает меня в долгие объятия. Слишком долгие. Горжусь собой – тем, что не отпихиваю его. Вообще не люблю обниматься.

– Ты потрясающе выглядишь, – шепчет он мне на ухо.

Злость отражается на моих щеках в виде румянца.

– Это просто моя офисная одежда, – возражаю я.

– Ты всегда выглядишь потрясающе.

Теперь я понимаю, почему женщины западают на него. Стивен отлично ухаживает.

– Надеюсь, ты пьешь красное вино? – спрашивает он, когда мы рассаживаемся.

– Нечасто.

Он игнорирует мой ответ и заказывает у хозяина бутылку своего любимого красного. И тогда я понимаю, что это то самое заведение, куда он приводит людей, чтобы покрасоваться. Побыть большой «шишкой». Идеально.

– Я рад, что ты пришла, – говорит он.

– Думал, струшу?

– Мне показалось, что ты сильно нервничала.

– Я и сейчас нервничаю. Мне нельзя потерять эту работу.

– Не переживай из-за этого. По сути, всем безразлично. Насколько я знаю, никого не наказывали за отношения между сотрудниками. И это здорово.

– Ты так думаешь?

Он через стол накрывает мою руку своей.

– Доверься мне.

Его улыбка рассчитана на то, чтобы ободрить меня, но слова производят противоположный эффект. С какой стати мне доверять человеку, с которым я едва знакома? Это предупреждающий знак – то, что он просит меня об этом. Я слегка пожимаю его руку, как бы давая понять, что мне нужно на кого-то опереться. Когда подходит официант с меню, я изображаю, будто меня застигли за чем-то интимным.

Ожидаю, что официант передаст меню Стивену, чтобы тот мог заказать за нас обоих, однако он передает меню мне. Стивен подмигивает.

– Я и так знаю, что буду заказывать. Здесь, кстати, все вкусно. Выбирай, что хочешь, не ошибешься.

Ох, какое облегчение…

Опять подходит официант. Я заказываю спагетти болоньезе, и рот наполняется слюной при мысли о еде. Очень хочется, чтобы у этого заведения оказалась неожиданно хорошая кухня. Ведь могут же эти отношения быть не только работой. Ведь могу же я получить хоть какое-то удовольствие…

Приносят чесночный хлеб. Горячий, ароматный, поджаренный чесночный хлеб – и секс со Стивеном уже не выглядит таким ужасным. Я беру ломоть, закрываю глаза и откусываю.

– Вкусно, правда? – спрашивает он.

– О, потрясающе.

Улыбка освещает все лицо Стивена, и его обаяние раскрывается в полном объеме. Я вижу, что в нем нравится другим людям, если те не приглядываются. Иногда я жалею о том, что смотрю так глубоко. Я была бы рада ограничиться поверхностным взглядом, как другие. Но зачем мечтать о чем-то, чему не бывать? Пустая трата энергии.

– Здесь все так вкусно? – спрашиваю я.

– Все.

– Тогда спасибо, что привел меня сюда.

Хозяин приносит бутылку и разливает вино по бокалам. Возможно, как-нибудь вечером после работы я сама приду сюда, чтобы побаловать себя всякими вкусностями, но сегодня я себя ограничиваю. Терпение. Самоконтроль. Выигрыш стоит всего этого.

– Расскажи мне о своей семье, – говорит он.

– Ты уже почти все знаешь. Я выросла только с мамой. Мой отец даже не появлялся на горизонте. Бабушка и дедушка недавно умерли. Летом я жила с ними, чтобы мама могла работать. Знаешь… тогда я это ненавидела, а сейчас рада, что проводила с ними так много времени. – Эту историю однажды поведал мне один знакомый.

У меня была бабушка, жадная и вечно пьяная. У нее была слабость к «Твинки»[5 - Марка бисквитных пирожных с кремовой начинкой.], и я всегда поражалась ее запасам, когда мое семейство заваливалось к ней в дом и начинало клянчить деньги.

– Значит, ты здесь училась в старших классах?

– Только три года, но почему-то чувствую, что мой дом здесь. Наверное, то был самый стабильный период в моей жизни. – В колледже я избавилась от характерного для Оклахомы говора, так что он не догадается, откуда я родом. – А что насчет твоей семьи? Похоже, вы очень близки.

– Абсолютно. Ну, точнее… я близок с отцом. Мама ушла, когда мне было пятнадцать. Такая мерзость…

– О, нет.

– Она изменяла ему, – напряженно говорит Стивен, и я вынуждена подавить усмешку. Джек-пот.

Вместо того чтобы рассмеяться, шепчу:

– Я сожалею.

Он дергано пожимает одним плечом.

– Мой отец – пастор, так что можешь представить, через какое унижение он прошел.

«И ты тоже», – думаю я.

Значит, его отец – святой, а мать – шлюха. Если б я была нормальной, то посочувствовала бы ему. Уродливый развод никому не на пользу. Но я ненормальная, и я знаю, в кого он превратился, повзрослев, поэтому не испытываю никакого сострадания.

Однако я все равно тяну к нему руку. И чувствую, как напряжены его пальцы под моей ладонью.

– Наверное, это было ужасно…

– Угу.

– А сейчас ты с ней в каких отношениях?

Его губы раздвигаются в слабой усмешке, и он опять пожимает плечами.

– У нас замечательные отношения. Я переболел.

Даже самый доверчивый человек услышал бы в этом ложь, а я вообще никому не доверяю. Он ненавидит свою мать. Не очень-то хорошая перспектива – встречаться с таким парнем.

Стивен вытаскивает свою руку из-под моей и обхватывает мои пальцы.

– Как бы то ни было, все это в прошлом. Мы с отцом все так же близки. Я каждое воскресенье хожу в церковь. Выполняю для него кое-какую работу. У моего брата двое великолепных детишек, и мне нравится быть дядькой.

– Значит, ты хочешь собственных детей?

– Когда-нибудь. – Он подмигивает, как будто передал мне крохотное угощение. Я суну его в карман, а потом, когда приду домой, помещу его в свою «Большую книгу грез».

– Где церковь твоего отца? Она большая?

Он рассказывает мне об Объединенной церкви Христа, а я тем временем ем второй ломоть чесночного хлеба. Приход расположен в сытом пригороде Эппл-Вэлли, там, где у христиан есть деньги.

– Он здорово разросся в последнее время. Мир погружен в хаос. Люди возвращаются к Господу. Сейчас у нас почти две с половиной тысячи прихожан.

– Много… И ты там работаешь?

– Я дьякон[6 - Дьякон – помощник священника, не имеющий права на самостоятельное богослужение.].

– Ого. Я думала, таких хороших парней уже не бывает.

Стивен заглатывает этот крючок вместе с леской и грузилом. Ибо знает, что он хороший парень, потому что ходит в церковь. Неважно, как он обращается с людьми. Неважно, что он жесток. Он богобоязнен, поэтому хорош. Я вместе с вином проглатываю гнев. Он, не спрашивая, наполняет мой бокал.

Раскрасневшись от злости и алкоголя, я снимаю кардиган.

Сегодня на мне кружевной бюстгальтер цвета лаванды, и он выглядывает над последней застегнутой пуговицей моего платья. Стивен тоже допил свой бокал и не может оторвать взгляд от моей ложбинки. Пусть он и боится Господа, но ему все равно нравятся сиськи, и я точно знаю, что он твердо верит в блуд.

Приносят наши салаты, и Стивен со вкусом принимается за еду.

Самое забавное, что плохими людьми легко манипулировать. Если б он на самом деле был хорошим парнем, меня ждала бы неудача. Откуда мне знать, каковы мотивы хороших людей? Как я смогла бы заставить его делать то, что мне надо? Надежда, что Стивен заметит меня и захочет построить со мной отношения, тут ни при чем. Я умею манипулировать людьми, потому что долго изучала их поведение.

До того как я поняла, что со мной что-то не так, я чувствовала себя пришельцем с другой планеты. Я не вписывалась ни в один коллектив. Это был типичный подростковый страх… если не считать того, что я и в самом деле не вписывалась. Я всегда была одна.

Когда моего брата в первый раз посадили в тюрьму, мне было шестнадцать, и я до сих пор помню, какое глубокое, вызывающее тревогу замешательство вызвала у меня реакция семьи. Подвывая, моя мать повторяла, что это несправедливо, что система прогнила насквозь и что впредь ему не получить достойную работу. Мой отец горестно оплакивал «мальчика». Рыдал, как ребенок. Бабушка выдала парочку язвительных высказываний в расистском плане и заявила, что в наши дни трудолюбивому белому мальчику никуда не пробиться.

Все это было полнейшей чушью. Он на самом деле заслужил тюремное заключение. Его поймали, когда он из багажника своего грузовичка продавал краденое. Еще повезло: он сидел только за то, на чем его поймали, а не за сотню других краж последних лет. Все знали, что система уголовного правосудия дает белым больше шансов. Он получил меньший срок, чем заслуживал.

Плюс он был ленивым недоумком всегда, и приличная работа ему не светила.

Так зачем скорбеть и удивляться?

Когда я заговорила о том, что он, по сути, виновен и заслужил срок, моя бабушка назвала меня маленькой негодяйкой. Я уже слышала такое, обычно от мамы. Мерзкая, бездушная, эгоистичная, жадная, наглая маленькая негодяйка. И я знала, что это правда. Я ощущала холод в собственной душе.

Так что со мной было не так? Почему я не могла быть нормальной? Как и другим девочкам-подросткам, мне просто хотелось стать для всех своей. В те времена у меня плохо получалось подделывать это, потому что я не понимала, что именно пытаюсь подделать, – душу.

В старшем классе я выбрала психологию в качестве факультативного курса, и – бах! – объяснение тут же нашлось. В учебнике было описание меня самой. В первый раз, когда я читала о социопатах, я чувствовала, что меня переполняет сияющий свет, порожденный одновременно ужасом и радостью. Наконец – наконец-то! – я все поняла. Узнать правду было страшно, да, но правда была не так страшна, как неведение.

Меня не донимают сомнения. Меня не мучают угрызения совести. Эмпатия недоступна моему пониманию.

Естественно, то был золотой век детективов о серийных убийцах, и какое-то время я считала, что социопат обречен совершать зло. Я думала, что это неизбежность, что такова моя судьба. Как-никак я спала с женатым учителем английского и не испытывала даже намека на сожаление, несмотря на то что его жена была очень добрым человеком и преподавала у нас матанализ. Он же плакал от стыда и чувства вины. После всего, естественно. Всегда после. Эрекция и угрызения совести не могут существовать одновременно. Одно уступает место другому.

Я наблюдала, как он рыдает с вялым и мокрым пенисом, и думала: «Вот оно, мое первое истинно злое деяние».

Я соблазнила своего учителя лишь потому, что дико ненавидела домашнюю работу и хотела шантажом добиться от него высшей оценки. Я пришла к выводу, что постепенно уподобляюсь серийному убийце. И выпустила в лес соседского домашнего кролика, потому что была уверена: однажды утром я проснусь с

желанием убить его. Хотела как можно дольше оттягивать свое разложение.

Но, к счастью, дальнейшие исследования в библиотеке округа убедили меня в том, что большинство таких, как я, не превращаются в убийц. Мы лжем, манипулируем и пользуемся своими преимуществами, но обычно все это помогает нам преуспеть в бизнесе. Мы – клад для капитализма.

С тех пор я училась идти по жизни с этим… увечьем. И даже научилась ценить свой недуг, видеть плюсы в том, чтобы жить логикой и не поддаваться капризам непостоянного сердца.

Всю свою жизнь я чувствовала себя другой, потому что я действительно другая. И все же я отличаюсь не так сильно, как могло бы показаться. Нас много. Больше, чем я могла тогда представить. Большинство каждый день стараются выжить; они инопланетяне, тайно живущие среди людей. Мы очень полезны для экономики. Легко приносить прибыль, когда тебе чужда неуверенность в себе.

– У тебя здоровый аппетит, – говорит Стивен.

Можно подумать, что он делает мне комплимент за то, что я съела всю зелень, но это не так. Он имеет в виду, что я не отстаю от него.

– Спасибо, – говорю я.

Он удивленно смеется, и тут приносят горячее. Аппетит у меня такой, что я готова одним махом заглотнуть всю порцию. Болоньезе пахнет потрясающе, и во мне вдруг поднимается благодарность к Стивену за этот вечер. Официант красивым жестом добавляет пармезана, и я под взглядом Стивена начинаю есть.

О, это божественно… Он усмехается на мой сладостный стон, и я отдаюсь удовольствию.

Стивен заговаривает о дзюдо, а я знаю, что, если взрослый человек занимается боевыми искусствами, для него это очень важный аспект, поэтому задаю вопросы и позволяю ему разглагольствовать на эту тему целых полчаса. Я не упоминаю о том, что в Азии насмотрелась боев по карате и джиу-джитсу с участием лучших представителей этих искусств. И не потому, что мне было

интересно; просто там это неотъемлемая часть делового общения.

К концу ужина я сыта, полупьяна и подумываю о том, что лучшим завершением вечера был бы секс. Проклятье, сейчас я согласилась бы на секс даже со Стивеном. Он был мил и весел, но, как бы мил он ни был, спать с ним нельзя. Это стало бы тактической ошибкой. Он сразу потеряет уважение ко мне. Я немедленно превращусь для него в офисную давалку, которая быстро раздвигает ноги. Он будет избегать меня. И никуда меня не пригласит. Он уже не будет таким уязвимым.

А мне надо, чтобы он был уязвим.

Естественно, я могла бы избавиться от него. Могла бы заманить его в город, отравить, пристрелить, заколоть – как угодно, и пойти своим путем; абсолютно чужой человек, никак не связанный с преступлением. Идеальное убийство.

Но я хочу причинить ему боль самым жестоким из возможных способов. Смерть, как-никак, всего лишь миг. А вот если на несколько лет превратить его жизнь в сплошное страдание… Мне нужно сблизиться с ним настолько, чтобы выяснить его слабые точки, и если я сейчас пойду на секс с ним, то все испорчу.

Женщинам приходится забивать себе голову подобной чепухой, когда они начинают с кем-то встречаться или когда задумывают преступление. Едва ли это справедливо, правда?

Эх, ладно. Я уже решила, что Стивен не будет хорош в постели, поэтому продолжаю изображать застенчивость, даже когда пьяно хихикаю на его флирт. Он уверен в том, что сегодня ему что-то обломится. Я под хмелем, на мне кружевной бюстгальтер, и я готова к новым отношениям. Он думает, что может залезть ко мне в трусы, а это значит, что захочет большего, когда я не отдамся ему.

Стивен бросает на стол несколько двадцаток, встает и отодвигает мой стул. Даже помогает мне надеть кардиган. Его руки то и дело поглаживают мои плечи.

– Я отвезу тебя, – говорит он мне на ухо.

Беру его под руку, и мы выходим из ресторана в холодную ночь. Воздух наполнен восхитительным запахом опавших листьев. Я ежусь и прижимаюсь к нему в поисках тепла. Чтобы согреться, я даже готова позволить ему обнять меня за плечи. Его одеколон тоже приятно пахнет осенью, но я все равно слышу шелест сухих листьев над головой.

Осень – мое любимое время года. Она напоминает мне меня, такая же пустая и холодная. Несмотря на умирающую ломкость, люди все равно считают ее красивой. Возможно, и со мной так.

Слишком много выпито, думаю я.

Стивен открывает пассажирскую дверь большого серебристого внедорожника, который чист до такой степени, будто никогда не бывал в грязи. На мгновение, после того как он захлопывает дверь, я остаюсь одна и мне хочется открыть перчаточный ящик и поискать там следы тех, кто побывал здесь раньше. Заколку для волос. Губную помаду. Может, и сами перчатки. Но тут Стивен открывает водительскую дверь, и я опять улыбаюсь ему.

– До моего дома всего миля, – говорю, прежде чем назвать адрес.

Сиденье быстро нагревается, и мне становится уютно. Я сыта, и меня клонит в сон. Мне не терпится добраться до дома и лечь спать. Не люблю спать в обнимку, но сейчас теплое тело под боком не помешало бы… Только не тело Стивена.

Может, нужно завести кошку?

Эта мысль возникает у меня в голове полностью оформившейся и совершенно очевидной. Кошка. Еще один маленький социопат будет сворачиваться в клубок рядом со мной и согревать меня по ночам.

Эта идея – плод неожиданной, настоятельной потребности внутри меня. Причем идея ужасная. Я здесь надолго не задержусь, в моей квартире запрещено держать домашних животных, и после всего этого я уеду из страны. Однако мне противно отказывать себе в том, чего я хочу, и я уже прикидываю, где находится ближайший приют.

– Здесь? – спрашивает Стивен, и я понимаю, что мы на моей улице.

Указываю на обветшалый многоквартирный дом двадцатых годов двадцатого века.

– Вот сюда.

– Я провожу тебя, – говорит он, останавливаясь у тротуара.

Меня раздражает то, что я вынуждена прекратить строить планы насчет кошки и снова переключить внимание на Стивена, но я продолжаю строить из себя милую, терпеливую девочку, пока он ведет меня к парадному.

Мы поднимаемся на крыльцо; он ждет, пока я открою дверь с помощью старомодного металлического ключа. Наверное, по округе расползлось уже несколько сотен таких ключей. Сомневаюсь, что кто-то озаботился тем, чтобы сменить замок. Я поворачиваюсь к Стивену.

– Спасибо, что проводил.

– Я доведу тебя до квартиры. Непохоже, что здесь спокойный район.

– В этом нет надобности.

Но он открывает парадное и вслед за мной проходит в обшарпанный вестибюль с почтовыми ящиками. Моя квартира на третьем этаже у самой лестницы. Я слышала, что в целях безопасности лучше селиться подальше от входа, однако мне нравится наблюдать в «глазок» за моими ничего не подозревающими соседями. Женщина через три двери от меня – старая завсегдатайша кабаков и каждый вечер приводит к себе разных пьяненьких стариканов. Она мне интересней всех. Всем нужно хобби, и я рада, что она нашла свое.

Но сегодня повод для злословия даю я, когда останавливаюсь у своей двери.

– Вот мой дом.

– Наверное, здесь, у лестницы, очень шумно…

Я позволяю ему убедиться в своей правоте. Да, я оказалась слишком глупой или бедной, или слабой, чтобы потребовать квартиру получше. Еще одно едва заметное оскорбление, нацеленное на то, чтобы унизить меня, но я знаю, какую игру он ведет, и слышу именно то, что он хочет сказать.

– Спасибо за ужин, – смущенно бормочу я. – Все было очень вкусно.

– Я отлично провел время. Ты забавная девчонка.

Насколько забавная? В этом весь вопрос.

Стивен придвигается поближе и легким тычком в мой подбородок заставляет меня поднять голову. Я позволяю ему поцеловать себя. Он не так уж и плох. Осторожен, но уверен. Не просит, а, скорее, предлагает. Его язык по-хозяйски проникает в мой рот. Я прижимаюсь спиной к двери и пытаюсь получать удовольствие.

Он уже воодушевлен. Воодушевлен тем, что я позволяю ему. Его пальцы обхватывают мое запястье. Он начинает дышать чаще, целует меня более настойчиво, его язык ритмично скользит по моему.

Немного отстраняюсь и изображаю участившееся дыхание.

– Может, я зайду? – шепчет он возле моего рта.

Мотаю головой.

– Я имею в виду не это. Мы могли бы что-нибудь выпить.

– Нет. Я… я не могу.

Он ворчит, потом прижимается ко мне бедрами.

– Боже, до чего же ты горячая…

Теперь я чувствую его мокрые губы на шее, его вставший член упирается мне в живот. Чуть учащенное дыхание помогает мне выглядеть беспомощной.

Он рукой обхватывает мою грудь и стонет. Мне было одиннадцать, когда я в первый раз позволила мальчику прикоснуться к моей груди. Я была готова к этому, и когда все произошло, я подумала: «И все? Это то, чего я хотела? Такое впечатление, будто он давит на клаксон».

После всех выпусков «Пентхауса» это было полнейшим разочарованием.

Стивен в своем умении ненамного лучше. Он поглаживает и мнет грудь через бюстгальтер с прокладками. Я даю ему продолжить, но наконец говорю «нет» и мягко отталкиваю его.

– Я не могу. Это неправильно.

– А мне кажется, что все очень правильно, – говорит он с робкой улыбкой.

– Разве я была бы порядочной девушкой, если б переспала с тобой на первом свидании?

Мы оба знаем ответ.

Если б мы уже находились в квартире, он, естественно, был бы настойчивее. На лестнице у него нет иного выбора, кроме как элегантно отступить, поэтому он хмыкает и делает вид, будто его лицо не горит от похоти.

– Знаю. Но кем бы я был, если б не попытался?

Из уважения к своей роли я не отвечаю: «Ревностным христианином с искренней верой и подлинным уважением к женщинам». Вместо этого спрашиваю:

– Ты позвонишь мне в выходные?

– Позвоню, если смогу. Выходные всегда сильно загружены.

– Да, конечно. Ну, я отлично провела время. Еще раз спасибо тебе.

Он подмигивает и машет мне, пятясь. Открываю дверь и проскальзываю в квартиру, уверенная в том, что скоро состоится новое свидание.

Глава 11

Ближайший приют для домашних животных расположен в двенадцати кварталах, но великолепная погода располагает к прогулке, поэтому я с энтузиазмом отправляюсь пешком. Раньше у меня никогда не было питомца. Моему семейству приходилось пробираться мимо двух шелудивых сторожевых псов, сидевших на цепи на переднем дворе, но те псы были злобными и блохастыми. Это еще одна деталь печального ландшафта моего детства.

Мое будущее не стало определеннее, а вот моя решимость упрочилась. Я хочу кошку. Вот когда придет время возвращаться в Малайзию, тогда я и займусь этой проблемой. Пока никаких реальных препятствий нет.

Прохожу мимо того итальянского ресторанчика и думаю о том, чтобы заглянуть к ним позже, но на обед они не открываются. Чем ближе подхожу к приюту, тем обшарпаннее выглядят окрестности. Я оказываюсь в полупромышленной зоне рядом с железнодорожными путями, прохожих здесь почти нет. Уже подумываю о том, чтобы достать из кармана складной ножик, но тут вижу впереди вывеску приюта. Слышен лай собак.

Парковка маленькая и вся забита. Наверное, суббота – напряженный день для этого заведения. Зайдя внутрь, я оказываюсь в обществе двух семейств с детьми, которые пришли выбирать собаку. Пробираюсь к стойке администратора.

– Я ищу кошку.

Администратором работает бледный молодой человек. Вид у него такой, будто девять месяцев назад его ужасно постригли и он решил больше не испытывать судьбу. Закончив писать что-то, он вздыхает.

– Вы ищете свою кошку, которая потерялась?

– Нет, хотела бы взять.

– Ясно. Кошки там.

Не глядя на меня, парень указывает куда-то в сторону. Он груб, поэтому я краду со стойки крохотную металлическую фигурку собаки. Мне она не нужна; просто не нравится его отношение.

Я иду туда, куда он указал, толкаю стеклянную дверь, и лай собак, и крики детей превращаются в тихий гул. Ожидаю увидеть крохотные клетки, и их здесь действительно много, только на день большинство кошек сажают в вольеры с обтянутыми плотной тканью деревьями, по которым они лазают или на которых спят. В этом вольере пять или шесть кошек. Вид у них совсем не несчастный. Они выглядят вполне довольными. Как и я, они не нуждаются в постоянном контакте с человеком.

Иду дальше по проходу, обращая внимание на то, какие кошки тут же бросаются к дверце и начинают мяукать. Они забавные, но не для меня.

Маленькая черная кошка тянет ко мне лапу, просунув ее через металлическую решетку. Я дотрагиваюсь до крохотных розовых подушечек, но все же иду дальше. В следующей клетке две кошки уже ждут меня. Две спят. Пятая сидит в центре с надменным видом. Я ловлю взгляд ее золотистых глаз. Она мне сразу нравится. Я знаю, что очеловечиваю ее, но уверена, что она девочка: уж больно по-царски выгибает шею и изящно водит хвостом. У нее короткая, словно присыпанная серебром серая шерстка. В том, что ее тело будет мягким и уютно-теплым, сомнений нет.

Я наблюдаю за ней. Она наблюдает за мной. Медленно моргает. Отводит взгляд. Затем зевает, как будто ей наскучила вся эта ситуация. Я усмехаюсь, глядя, как она потягивается, прежде чем встать на лапы и приблизиться ко мне.

Она не подходит к дверце. Вместе этого садится в шести дюймах от нее. Я прижимаю ладонь к клетке, и кошка, вытянув голову, нюхает меня. В следующее мгновение она трется щекой о мои пальцы, а потом садится с таким видом, словно собеседование окончено.

Она отметила меня, но я ей не нужна.

А я хочу ее всеми фибрами своей темной и изломанной души.

Дверь в конце коридора открывается, и молодая испанка с болтающимся черным «хвостом» вкатывает ведро со шваброй. На ее бирке написано «Волонтер».

– Здравствуйте! Хотите взглянуть на какую-нибудь кошечку?

– Я уже нашла свою. Вот эту, серую.

Девушка отставляет швабру и спешит ко мне.

– О, это Банни! Она великолепна.

Банни?[7 - Bunny (англ.) – зайка, лапочка, милая.] Господи, какое унижение для бедняжки-королевы…

– Вы уже заполнили заявление? – спрашивает испанка. Я качаю головой, и она всплескивает руками. – Тогда приступайте скорее!

Приступать? Сколько бумаг надо заполнить, чтобы забрать домой кошку, которая больше никому не нужна? Наверное, много… Что ж, без проблем. Чтобы получить работу, свою фальшивую личность я подкрепила полным пакетом документов. Все в них очень близко к моим настоящим сведениям, так что утруждаться и вспоминать что-то не понадобится. Проверка не выявит ничего подозрительного. Однако меня все равно раздражает то, что я не могу прямо сейчас забрать кошку домой. Она моя.

Как бы то ни было, я вынуждена ждать до завтра – видимо, они должны убедиться, что я не возглавляю международный картель по контрабанде бродячих кошек. Я изо всех сил стараюсь изобразить благодарность за уход за животными, хотя на самом деле мне хочется схватить свою кошку и уйти прочь.

Плачу тридцать пять долларов и говорю себе, что отсрочка позволит мне купить все необходимое. В приюте есть распечатанные памятки, где указано, что

должен иметь «ответственный владелец кошки». Раздаточного материала для «безответственного владельца кошки» нет, поэтому я беру выданный листок и ухожу с надеждой, что моя кошка к завтрашнему дню не изменит свое мнение обо мне.

Как показывает навигатор в моем телефоне, на пути домой есть маленький зоомагазин. Вот туда я и направляюсь. Вынуждена свернуть до итальянского ресторанчика на небольшую улочку с высаженными по обеим сторонам деревьями. Сюда уже добралось благоустройство. В уличных кафе полно посетителей; люди обедают, уютно устроившись под газовыми обогревателями.

Я останавливаюсь у одного бутика и заглядываюсь на черные кожаные сапоги в витрине. С радостью купила бы их, но эта Джейн не носит высокие, до колена, сапоги на шпильке. Ну, она, возможно, станет такой в спальне, если Стивен скажет ей, чтобы она дала себе волю и перестала быть холодной рыбой. Но мы не будем вместе настолько долго, чтобы дойти до этого этапа.

Увлеченно представляю, к какому из моих старых нарядов подошли бы эти сапоги, когда слышу мужской голос, произносящий мое имя. Мое реальное имя, в том числе и мою настоящую фамилию – не ту фальшивую, что я ношу сейчас.

– Джейн! – повторяет он погромче. – Это ты?

Я так изумлена, что поворачиваюсь на голос, вместо того чтобы притвориться, будто его не слышу. Проклятье…

– Привет! – говорит он.

Ко мне приближается мужчина. Белый, примерно моего возраста, с каштановыми волосами, среднего роста. Поднимает руку, словно для того, чтобы привлечь мое внимание или помешать мне убежать. Я не узнаю его, пока он не улыбается.

Таких, как я, трудно подвигнуть на бурные эмоции, но сейчас я искренне удивлена.

– Люк?

– Это точно ты! – восклицает он. Наверное, никогда так не радовался встрече, как сейчас.

– Да, – говорю я. – Привет.

Его дружелюбие вызывает у меня неуверенность, к которой я не привыкла. Люк – давний друг. Или что-то вроде этого. Мы с ним пару месяцев встречались, когда я училась в колледже, до того, как уехала из Миннеаполиса на летнюю стажировку перед поступлением на юридический факультет. Тогда он мне очень нравился; правда, с тех пор я о нем и не вспоминала. И вот он передо мной.

Люк сгребает меня в объятия. Я тоже обнимаю его, растерянно хлопая глазами. Такое впечатление, будто я перенеслась в свое прошлое.

– Что ты здесь делаешь? – спрашивает он, ставя меня на землю.

– Здесь?.. Я только что взяла из приюта кошку.

Он смеется.

– Нет, я имею в виду в Миннеаполисе.

– А. Я… я тут временно работаю над одним проектом.

– Временно?

– Ага. Я надолго в городе не задержусь.

– Надеюсь, мы все же успеем выпить по стаканчику.

Этого делать не следует. Это неразумно. Если мое пребывание здесь закончится плохо, Люк сможет опознать меня. Но он в любом случае сможет опознать меня, а если мы подружимся, я смогу перетащить его на свою сторону. Возможно, мне удастся завоевать его преданность…

– Кстати… – Он проводит рукой по волосам, как будто нервничает. – Как насчет обеда? Я был бы рад бросить что-нибудь в желудок.

Мне следует отказаться, уйти и надеяться, что у него кратковременная память. Пока я здесь, мне нельзя устанавливать настоящие связи. Хотя я вообще не устанавливала связи. После смерти Мег никто не жаждет увидеться со мной. Ни у кого нет желания пообедать со мной. А вот у Люка есть. Что… для меня странно. Правда, он был отличным парнем, когда мы встречались, так что, возможно, его дружелюбие и сердечность – это то, что у него есть по умолчанию.

Совершенно очевидно, что он не очень хорошо разбирается в людях. Но меня вдруг охватывает горячее желание пообедать с ним, а я всегда делаю то, что хочу.

– Я тоже, – говорю, и его лицо проясняется. Никто не смотрел на меня так с тех пор, как я в последний раз виделась с Мег. Спазм странным образом сдавливает мне горло.

– Там, за углом, мое любимое заведение, – говорит Люк. – Мы могли бы сесть снаружи – погода-то великолепная.

Только что я шла мимо людей, которые сидели с друзьями на открытых верандах и наслаждались погожим деньком, а теперь стану одной из них… Я киваю, пытаясь проглотить странный комок в горле. Мы поворачиваем за угол.

– Ты говорила, что взяла из приюта кошку?

– Да. Ужасная идея, если я здесь временно, но устоять я не смогла.

– А зачем сопротивляться? Это же благородное дело. Когда ты ее забираешь?

– Завтра. Хотела забрать ее домой сегодня, но теперь успею купить все необходимое.

– Ты всегда умела принимать быстрые решения.

Улыбаюсь такой формулировке. Более приятной вещи мне в жизни никто не говорил.

– Мне кажется, ты подразумеваешь, что я импульсивная.

Люк пожимает плечами.

– Давай остановимся на том, что ты твердо знаешь, чего хочешь.

Я смеюсь. От души. И вспоминаю, как сильно он мне нравился в колледже. Люк был забавным. И неплохо проявил себя в постели. Мне, естественно, казалось, что он наивен. Время не сильно ожесточило его. Мег была такой же. Всегда видела в людях хорошее, даже когда этого видеть не следовало. Особенно когда видеть не следовало.

Люк ведет нас к женщине-администратору, которая курирует веранду. Женщина с удивлением приветствует его.

– О, добро пожаловать обратно!

У Люка розовеют щеки.

– Я сегодня уже пил здесь кофе, – поясняет он.

– О, – восклицаю я, – с кем-то из знакомых?

– Да, со знакомой, но не с подругой.

– Ну ты хитрец. – Я вздыхаю и качаю головой, глядя на администратора. Румянец на щеках Люка становится ярче, и мы обе смеемся.

– Проходи, хитрец, – говорит администратор, берет два меню и ведет нас к маленькому кованому столику.

Мы садимся, и она раздает нам меню. Я читаю, и мой рот наполняется слюной. Еду я люблю больше, чем людей.

Люк откашливается.

– Честное слово, это было не свидание.

Ему очень хочется убедить меня в этом. Я смотрю на него поверх меню.

– Хочешь сказать, что ты до сих пор холост?

– Нет, не холост. В том смысле, что в настоящий момент у меня нет отношений, но они были. Разумеется. – Он качает головой и бормочет: – Господи…

Опять смеюсь. Люк посмеивается над собой, самоуничижительно хмыкает, и я поражаюсь тому, как сильно он отличается от Стивена.

Я не скучала по нему, когда уехала из Миннеаполиса. Мне нужно было закончить стажировку, а потом я поступала на юридический факультет. Но сейчас мне радостно сидеть с ним.

– Ну, и чем ты занимался после колледжа? – спрашиваю я.

– Пошел прямиком в сферу информационных технологий.

– Да, при нынешних экономических процессах идти туда есть все основания.

– Вот именно. Я решил, что всегда смогу вернуться, чтобы получить степень магистра. Но, если честно, редко об этом думаю. Слишком занят.

Официант приносит нам воду, и я заказываю латте, а потом молча изучаю меню. Я никогда долго не раздумываю – и сейчас сразу решаю, что буду есть французский тост с беконом. Я всегда так: делаю, что хочу, а из-за последствий переживаю потом. Если я наберу больший вес, чем мне нравится, приступлю к тренировкам, но обычно вес для меня не проблема. Я не заедаю стрессы и не сглаживаю боль едой. Какова бы ни была боль, я игнорирую ее, пока она не пройдет. Я месяцами испытывала этот метод после смерти Мег. Он не сработал.

– А у тебя что? – спрашивает Люк. – Что ты делала после юридического факультета?

– Тут же погрузилась в торговое законодательство. Уже несколько лет работаю за океаном, в Малайзии.

– Ого! Рядом с тобой я чувствую себя провинциалом. Ни разу не выезжал из Миннеаполиса.

– Скажу честно, это одно из моих любимых мест. – Я провела здесь четыре хороших года. И здесь вместе с Мег жила моя душа.

Приходит официант и принимает у нас заказ, потом мы с Люком секунду изучаем друг друга.

– Ты действительно здесь только на время? – спрашивает он.

– Я веду работу по одному конфиденциальному контракту. – Я, как всегда, легко выдаю ложь. – Слияние со множеством подвижных элементов за океаном. Не знаю, сколько времени это займет. Максимум пару месяцев.

– Ясно, – говорит он и снова краснеет. – Тогда не буду ходить вокруг да около. Ты замужем?

Собираюсь ответить «нет» и тут понимаю, что это будет проблемой. Если он собирается приглашать меня на свидания – а он собирается, – я не смогу допустить, чтобы нас с ним увидели в романтической ситуации. Я еще не знаю, во что выльется мой план и придется ли мне спасаться от расследования.

Люк смотрит на меня, изогнув одну бровь, смотрит пристально и спокойно. Черт.

– Встречаюсь с одним человеком.

– А.

– Но это не окончательно.

Он улыбается.

– А.

– Все сложно, – добавляю, но это ему уже неинтересно. Я дала понять, что открыта для чего-то, и он это понял. Он же мужчина. – А почему тебя это интересует? – С легкой улыбкой бросаю ему вызов – хочу увидеть, как он отреагирует.

– Потому что, – отвечает он, – сбежала именно ты.

Я едва не давлюсь своим латте. Люк снова удивил меня.

– Что? Я?

– Да.

– Как рыба из садка?

– Нет! – Он мотает головой. – Нет, не как рыба. Просто ты мне очень нравилась, а потом пропала.

Честное слово, я не подозревала, что так много значу для него. Насколько я помню, мы встречались около двух месяцев, и мы оба знали, что я уеду, и даже попрощались под негромкие фанфары.

– Серьезно? – все не верю я.

– Очень даже серьезно.

Изумленно таращусь на него. Мне неприятно сознавать, что я пропустила сигналы, даже если в то время они мало что значили для меня. Пока изучаю его лицо, я вспоминаю, что он пару раз шутил насчет отношений на расстоянии, а я игнорировала эти шутки. Какой смысл в парне, если нельзя заняться с ним сексом?

Он морщится от моего продолжительного молчания.

– Теперь я понимаю: ты тогда не чувствовала того же.

Я улыбаюсь, и он опять смеется, легко и непринужденно.

– Нет, не могу сказать, что ты мне не нравился, – говорю, – просто я знала, что скоро уеду, и никогда не воспринимала наши отношения как нечто долгосрочное.

– Ясно. Может, именно это и делало тебя такой притягательной для двадцатидвухлетнего парня… Ты была неуловимой. Недостижимой.

Смеюсь.

– Если не ошибаюсь, ты несколько раз все же достигал меня.

Шутка не очень забавная, но он смеется до слез. Помню, как с ним я всегда чувствовала себя особенной. Или, вероятно, противоположностью особенной: просто нормальной.

– Ну, а ты с кем-нибудь встречаешься? – спрашиваю, хотя мне совершенно безразлично, встречается он или нет.

– Ничего серьезного, – отвечает Люк, и я понимаю, что смогу заполучить его, если захочу. И очень может быть, что захочу. Он как приятный ополаскиватель для полости рта после общения со Стивеном.

Мы ведем приятную беседу, вспоминая учебу в колледже. Когда приступаем к еде, Люк спрашивает, как поживает Мег.

– Она умерла, – отвечаю я и только после этого соображаю, что такое следовало бы сообщать чуть помягче.

Его вилка со звоном падает на тарелку.

– Что?!

– Мег умерла. В феврале.

– Но… как?

– Покончила с собой.

Он бледнеет, и я медленно откладываю вилку: ведь если продолжу есть, то буду выглядеть черствой. Мною владеет неподдельная скорбь, но я приглушила ее особым способом, который непонятен другим. Скорбь во мне, но она не мешает мне функционировать.

– Господи, – шепчет Люк. – Ты поддерживала с ней связь?

– Да. Она была моей близкой подругой.

– Джейн, я так сожалею…

Он единственный, кому я рассказала. Всем остальным было бы плевать. Но он знал Мег и знал, что она значит для меня.

– Наглоталась таблеток, – говорю, хотя он и не спрашивает.

– Прости. Тебе, должно быть… – Люк не представляет, как закончить предложение, и я тоже не могу его закончить. Я не знаю, что мне может быть. Больно, да. Одиноко. Но еще я злюсь. И рвусь отомстить. И мне всегда холодно. Моя жизнь пойдет своим чередом, тут нет никаких сомнений. Я справлюсь. Все изменилось.

– Вот так я оказалась здесь, – говорю я, и это маленькая часть правды. – Просто… мне нужны были перемены. Когда я увидела, что в Миннеаполисе есть шанс, я восприняла это как знак.

– Сожалею, что ты потеряла ее.

Потеряла? А разве я ее потеряла? Скорее, она сама взяла да исчезла. Я точно знаю, где она. Не здесь. Именно к этому она и стремилась. Должна ли я грустить из-за того, что она исполнила свое желание?

Беру вилку и ем французский тост, пока тот не остыл. Запоздало понимаю, что должна была бы расплакаться или как-то еще выразить свою скорбь, но сейчас ничего не поделаешь, да и Люк, кажется, испытывает облегчение.

– Она была так добра, – говорит он после минуты молчания. – Надо бы послать цветы на ее могилу.

Для меня все это бессмысленно. Мег не почувствует разницы. Но я говорю ему название кладбища, потому что знаю: такие мысли, как у меня, надо держать при себе. У людей вообще много ритуалов, которые мне непонятны.

Моя бабушка умерла, когда мне было двадцать, и я ухитрилась не заявить матери, что деньги, которые пошли на похороны, стоило бы потратить на что-нибудь более полезное, чем закапывание трупа в землю. На продукты, ремонт машины, залог для моего никчемного братца… Черт, она могла бы вложить хоть один жалкий доллар в мое образование, чем выбрасывать деньги на эту старую каргу.

Хотя я и ухитрилась не заявить все это матери, все же изложила свое пренебрежение к похоронам сотруднику похоронного бюро. Сказала ему, что нам следовало бы кремировать тело и закончить на этом. Его маска вежливого участия на мгновение исчезла, и под ней обнаружились надменность и отвращение. Однако не я обманывала на тысячи долларов охваченных скорбью идиотов. Естественно, я его дразнила. Ведь чек был выписан, а бабушка – оплакана и похоронена. Ничего же уже не вернешь.

– Ты в порядке? – спрашивает Люк.

Да, я в порядке. Я думаю о том, что Мег мертва и ее тело разлагается в земле, а мне не хочется думать об этом. Я не вернулась домой на похороны. Не было смысла. Я бы ничего не почувствовала, кроме эгоистичной злости. Я не хотела видеть ее в гробу с таким странным, будто резиновым лицом. Я не хотела смотреть на то, как ее опускают в яму.

Однако сейчас я думаю об этом, хотя и всячески старалась не думать. Я не хочу всего этого.

– Ты живешь далеко отсюда? – спрашиваю вдруг.

– В Сент-Поле. Это довольно близко. В жилом комплексе у реки.

– Мы можем поехать туда?

– Туда? – Он озадачен, на его лице появляется полуулыбка.

– Да, – говорю я, – прямо сейчас.

И тут до него доходит. Его глаза распахиваются, губы приоткрываются. Он не отвечает.

– Ты живешь не один?

– Нет, естественно, нет. Просто… в том смысле…

Я пожимаю плечами.

– Ради былых времен, а?

– Джейн…

Я не понимаю, осуждает он меня или напоминает самому себе мое имя. Но мне это безразлично. Я наблюдаю за ним так же, как сегодня за мной наблюдала моя кошка. Я хочу получить то, что хочу и когда хочу.

Он немного подается вперед, пытаясь просчитать меня.

– Пошли, хитрец, – наконец говорю я, и Люк улыбается. Потом смеется.

– Моя машина за углом.

Именно такой ответ мне и нужен.

Глава 12

За годы, прошедшие после колледжа, Люк расширил свои познания. Раньше он был неплох, а теперь стал великолепен. Он овладел мною с огромным энтузиазмом – так, как мне надо было, – а потом вознес нас обоих до небес.

– Я так рад, что встретил тебя, – сквозь учащенные вздохи говорит Люк, остывая. Кажется, он помнит, что после всего я не люблю обниматься, поэтому ограничивается тем, что кладет ладонь мне на бедро. Я не против. По сути, мне даже нравится.

– Было чуть приятнее, чем покупать кошачий наполнитель.

По комнате разносится его удовлетворенный рокочущий смех. Я потягиваюсь, потом встаю и голая подхожу к окнам, из которых открывается вид на реку. Знаю, что он разглядывает мою попку, бедра. Мне это нравится. Мужчинам нравится шоу, а я люблю, когда у меня есть зрители. Опять потягиваюсь, в глубине души надеясь, что это видит кто-нибудь на улице.

– Ты дико сексуальная, – говорит Люк.

Многие мужчины говорили мне такое. Им нравятся бесстыдные женщины. Мы, видите ли, очень редкое явление – ведь каждый день твердят, что нужно всего стыдиться. Позорно давать мужчинам то, что они хотят, и позорно не хотеть давать им это. Позорно демонстрировать свою рядовую фигуру и позорно не иметь идеальной. Не представляю, как нормальные женщины встречаются с мужчинами. Складывается впечатление, что скоро мир станет ужасным местом для людей с настоящими чувствами.

Однако для меня все проще, поэтому я смотрю, как внизу по волнам прыгает лодка, и гадаю, когда Люк созреет для еще одного раунда. Вероятно, нескоро, как это ни грустно.

– Мне пора, – говорю.

Слышу, как скрипит кровать, как шуршат простыни.

– Я отвезу тебя.

– Не надо, я поймаю тачку.

– Я могу подбросить тебя до зоомагазина, – предлагает он.

Качаю головой и, повернувшись, вижу, что он надевает джинсы.

– Лучше не надо. Это хлопотно.

– Ну ладно.

– Ты дашь мне свой номер?

– Да. А ты мне свой?

Было бы разумнее не давать, но сейчас я плавно покачиваюсь на волнах удовлетворения и знаю, что захочу все это повторить.

– Ладно. Только не звони мне, пиши сообщения. Я часто бываю на встречах.

Он знает, что это чушь несусветная, но не возражает. Еще бы возражал. Он трахнет меня как минимум еще несколько раз, прежде чем решится надавить на меня. Зачем смотреть в зубы дареной шлюхе?

Вызываю такси, затем медленно одеваюсь, позволяя ему наблюдать. Я рада, что сегодня не надела одно из дурацких цветастых платьев. Лавандовый бюстгальтер выглядит вполне мило. Надену его в понедельник, чтобы Стивен мог полюбоваться, пока я буду вспоминать, как другой мужчина сдирал его с меня в пылу страсти.

– Уж больно игривая у тебя улыбка, – говорит Люк.

– Да, – отвечаю я.

Такси приезжает быстро. Люк целует меня в губы и просит звонить ему. Я уверена, что позвоню. Люблю получать то, что хочу и когда хочу. Моя игривая улыбка остается со мной всю дорогу через реку. Возможно, позвоню ему завтра. Возможно, буду спать с Люком, пока Стивен в церкви будет изображать из себя хорошего человека.

Новый любовник и кошка. Какая плодотворная суббота…

Когда я выхожу из зоомагазина с двумя огромными пакетами, приходит сообщение. Я надеюсь, что это Люк – спрашивает, сможем ли мы увидеться сегодня вечером, – поэтому ставлю пакеты на тротуар и достаю телефон.

Не повезло. Это Стивен решил испортить такой замечательный день. Вздыхаю, видя его имя. Хотя, с другой стороны, хорошо, что это не Люк. Я знаю себя: если он проявит нетерпение, я больше не захочу его. И все же я немного разочарована. Разочарование усиливается, когда я открываю текст:

Ты завтра будешь в церкви?

В жизни не читала менее стимулирующего сообщения. Слава богу, он не видит выражения на моем лице.

В твоей? – отвечаю. – У меня нет машины.

Заеду за тобой в 8.

Именно это мне и нужно, но меня охватывает бешенство: он мешает мне делать то, что я хочу. Если не получится еще раз перепихнуться с Люком, я хотя бы заберу свою кошку. Но приют открывается только в полдень, а посещение церкви со Стивеном – это гигантский шаг в нужном направлении.

Я ему не дала, так что достойна большего. Поход в церковь сблизит нас, а мне нужно, чтобы он был как можно ближе.

Закатываю глаза, а потом отправляю ему улыбающийся и сияющий смайлик.

Здорово! Жду с нетерпением!

И действительно жду с нетерпением. Теперь, когда я отодвинула в сторону свои сиюминутные пожелания, меня захлестывает радость.

Мне не терпится познакомиться с его семьей. С его друзьями. Окунуться в его самые сокровенные убеждения. Завтра он окажется в своей среде, и я получу достоверную информацию о том, что дорого Стивену Хепсуорту.

А потом прикину, каким образом все это у него отнять.

Глава 13

Сначала я не обратила внимания на ее нового парня. Мег всегда теряла голову от своих новых приятелей. Я же только спрашивала, каковы они в постели, и шла дальше.

Рано или поздно она вышла бы замуж, но для меня не имело значения, кто стал бы ее мужем, если б он смог воплотить в жизнь мою мечту о будущей семье Мег. Чем раньше та вышла бы замуж и родила детей, тем скорее у меня появилась бы возможность делать вид, будто и у меня есть семья.

Она встречалась с новым парнем три месяца. Роман развивался стремительно, они уже поговаривали о свадьбе, а потом вдруг разбежались. Я даже не сразу заметила это. Он заявил ей, что она недоразвитая и неуравновешенная. Я сказала ей, что он жадный говнюк. Он таким и был.

Через неделю, когда они помирились, я сказала: «Пусть так, если он хорош в постели». Мег весело засмеялась. Она была так счастлива.

Месяц спустя она позвонила мне, рыдая. Он заявил ей, что не желает иметь с ней детей, так как из нее получится дрянная, бесполезная мать. Если честно, я не понимала, из-за чего она так горько рыдает, – зачем обижаться на такую нелепость? Мег никогда не была дрянной и бесполезной.

Ее можно было назвать взбалмошной, и она точно была слишком доверчивой, однако с детьми ладила великолепно. Была с ними заботливой, доброй, всегда стремилась оказать им поддержку. Почему-то она купилась на его болтовню – вероятно, потому, что, несмотря на степень по английскому, продолжала работать официанткой и периодически напивалась в клубах.

«Он козел, – сказала я. – Радуйся, что ты вовремя увидела это и ушла от него».

Для меня все выглядело просто.

Через месяц он попросил ее переехать к нему. Она переехала.

Все это, естественно, держалось в тайне. Он хотел, чтобы она была у него под рукой круглые сутки, но не хотел, чтобы в семье или в церкви узнали, что он живет во грехе. Ведь это Мег виновата в том, что отдалась ему, не так ли?

Я говорила ей, что она ведет себя глупо. Я прямым текстом говорила ей это.

«Не глупи, Мег. Он ублюдок».

Она уверяла меня в том, что он замечательный и что я должна радоваться за нее; потом под каким-то предлогом отключила телефон.

Мы не общались три недели. В глубине души я испытала облегчение, когда Мег позвонила – опять рыдая – и рассказала мне, что он ее вышвырнул. Она осталась без крыши над головой и с разбитым сердцем, а я думала только об одном:

«Слава богу, все закончилось».

Ничего не закончилось. Далеко не закончилось. Стивен Хепсуорт нашел себе страстную красотку, которая согласилась мириться с его оскорблениями, и это было только началом.

Глава 14

Сегодня мое цветастое платье застегнуто на все пуговицы, а грудь прикрыта дополнительной броней в виде кардигана. Сегодня неподходящий день для соблазнения Стивена; сегодня день наблюдения и изучения.

Он приезжает в восемь, и я, хоть и готова, прошу его минутку подождать в коридоре. После этого закрываю дверь и принимаюсь метаться по квартире, как будто спешу. Через три минуты вылетаю в коридор и многократно прошу прощения за опоздание.

– Извини. Я слишком много раз жала на кнопку повтора на будильнике.

– Никогда не пользуйся кнопкой повтора, – наставляет меня Стивен. – Она дает сигнал твоему мозгу, что звонок будильника – это повод поспать еще немного. Поэтому-то ты и не можешь проснуться.

– Как интересно…

– Пошли, иначе мы опоздаем.

– Прости! – в очередной раз извиняюсь я, следуя за ним вниз по лестнице.

Сейчас восемь ноль пять, и Иисус, думаю, никого не ждет.

На пути к церкви мы говорим о погоде и о городе. Стивену, естественно, не нравится мой урбанистический район. Он уверяет меня, что я смогу зарабатывать больше, если возьмусь за поиски другой работы.

– Ты найдешь работу получше, чем ввод данных. Чем ты занималась раньше?

– Всем понемножку. В последний раз я работала секретарем в одной бухгалтерской фирме, мой… мой бывший был там бухгалтером.

– Ты не могла оставаться там?

Я пожимаю плечами и ерзаю на сиденье.

– Уж больно он был ревнивым. Все время обвинял меня в том, что я флиртую с другими сотрудниками.

– А ты флиртовала?

– Нет!

– Ты что, я просто спросил. Иногда женщины флиртуют, даже не отдавая себе в этом отчет.

Вместо того чтобы объяснять, что ревность проистекает из глубокого чувства неадекватности, я обиженно надуваюсь.

– Я дружелюбна со всеми, к какому бы полу они ни относились. В этом и состояла моя работа.

Стивен похлопывает меня по руке.

– Знаю, но иногда мужчины этого не понимают. Тебе надо быть осторожной.

– Конечно. Я осторожна.

Как-никак всем известно, что женщины ответственны за поведение мужчин. Если мы не соблюдаем осторожность, они могут решиться взять то, что им хочется. Такова их природа, ничего не поделаешь. Но в данном случае психологическое нарушение у меня.

Мы добираемся до церкви к восьми тридцати пяти, так что мое безответственное пристрастие к кнопке повтора ничего не рушит. Служба начинается в девять, но у Стивена, как у дьякона, есть определенные обязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Master of Business Administration (англ.) – магистр бизнес-управления.

2

В индейских резервациях в США казино подвергаются льготному налогообложению, поэтому чрезвычайно распространены там.

3

Имеется в виду вышедшая на ТВ в 1990 г. 9-серийная документальная лента, которая так и называется – «Гражданская война».

4

Незаконченная расхожая фраза «отчаянные времена требуют отчаянных мер».

5

Марка бисквитных пирожных с кремовой начинкой.

6

Дьякон – помощник священника, не имеющий права на самостоятельное богослужение.

7

Bunny (англ.) – зайка, лапочка, милая.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/stoun_viktoriya/dzheyn-dou-bez-sozhaleniy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить